ПИСЬМА А. Е. НОЗДРИНА К БРЮСОВУ 1895—1898

Вступительная статья, публикация и комментарии С. Н. Тяпкова

Публикуемые письма принадлежат перу Авенира Евстигнеевича *Ноздрина* (1862—1938), одного из зачинателей пролетарской поэзии, участника революционного движения, первого председателя Иваново-Вознесенского Совета рабочих депутатов, созданного в ходе знаменитой всеобщей стачки ивановских рабочих в 1905 г.¹

Ноздрин родился в с. Иваново Шуйского уезда Владимирской губернии (ныне г. Иваново) в семье ярмарочного приказчика. Окончил трехлетнюю земскую начальную школу. По профессии гравер-текстильщик, он около 30 лет работал на текстильных фабриках Иваново-Вознесенска и Петербурга.

Начало литературной деятельности Ноздрина относится к рубежу 80-х и 90-х гг., к тому времени, когда он был активным участником Иваново-Вознесенского нелегального просветительски-народнического кружка «саморазвития», руководимого И. О. Слуховским ².

Сторонник «теории малых дел», Слуховский стремился направить творчество Ноздрина в строго обозначенное русло. «Темы тогдашних моих стихотворений,— вспоминал Ноздрин,— были связаны с трудовыми процессами; на эти темы навел меня Слуховский; он хотел во мне видеть поэта фабричных корпусов и ремесленных мастерских» ³. Рекомендации Слуховского, очевидно, совпадали и с личными творческими устремлениями молодого рабочего поэта, на собственном опыте постигшего «трудовые процессы» в «фабричных корпусах и ремесленных мастерских».

После разгрома кружка в июле 1891 г., отбыв полгода под гласным надзором полиции, Ноздрин с семьей в начале 1892 г. переезжает в Петербург. Там он работает гравером на текстильной фабрике, одновременно продолжая литературные занятия. «В то же время, — вспоминал Ноздрин, — я начал переписываться с Валерием Яковлевичем Брюсовым (первое письмо Ноздрина к Брюсову датировано 17.03.1895 г. — С. Т.), решил через него проверить свои поэтические способности. Брюсов мои стихи тогда читал своим соратникам. В одном из ответов на мои письма он привел мнение о моих стихах поэта, тогда ему близкого, Александра Муромского 4, что человек, написавший такие два стиха:

Ночь — старуха богомольная — Миллион лампад затеплила ⁵,

— должен безусловно почитаться как поэт. После этого я начал себя считать "признанным", хотя оценка тогдашних моих стихов исходила от утонченных эстетов» ⁶.

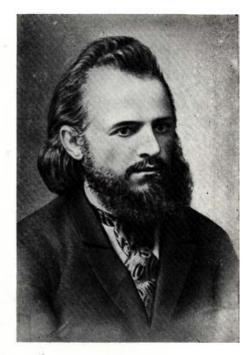
Уже в первом своем письме Ноздрин прямо говорит, что ему «было бы лестно» напечататься в «издании Владимира Александровича Маслова» (п. 1) 7. Факт этот примечателен тем, что свидетельствует стремлении Ноздрина «проверить свои поэтические способности» в неизвестной и, казалось бы, чуждой ему среде символизма, делавшего тогда в России лишь первые шаги.

В готовящийся 3-й выпуск «Русских символистов» стихи Ноздрина, однако, не попали. Причины этого подробно изложены Брюсовым в письме к Ноздрину от конца августа 1895 г. 8 Ноздрин вспоминал впоследствии: «Валерий Яковлевич в это время замышлял издать хрестоматию современной поэзии по образцу германской, изданной Францем Эверсом 9, куда он намерен был включить и меня. Издание это по каким-то причинам не состоялось, и тогда он остановился на другом плане: решил выпустить мои стихи отдельной книжечкой. Однако и это издание не состоялось» 10.

Замысел издания сборника возник у Брюсова, по воспоминаниям Ноздрина, во время личных встреч поэтов. Встречи произошли в октябре и ноябре 1895 г., о чем свидетельствуют записи в дневнике Брюсова ¹¹ и сохранившиеся в брюсовском архиве три записки Ноздрина.

В первой из записок, датированной 15 октября 1895 г., Ноздрин сообщает Брюсову: «Сейчас я нахожусь в Москве, где мое пребывание отчасти связано с нашей маленькой перепиской, что мне хотелось бы видеть более существенным, т. е. встретиться лично с Вами». 20 октября 1895 г. Ноздрин пишет: «В воскресенье (часа в 3-ри) я постараюсь к Вам зайти. В прошлый раз с моей стороны была сделана маленькая оплошность, я не спросил Вас: в какие часы Вы собираетесь по четвергам». В записке от 24 ноября 1895 г. Ноздрин выражает желание еще раз встретиться с Брюсовым: «Может быть, у Вас найдется время и терпение еще раз выслушать меня, нагруженного стихами, написанными в разное время, включительно до настоящего дня» 12.

Три с половиной десятилетия спустя Ноздрин в своих воспоминаниях с благодарностью заметил, что на его долю «выпали такие два учителя, как Иван Слуховский и Валерий Брюсов», и подробно рассказал об «уроках», данных ему Брюсовым во время встреч в Москве ¹³. Весьма существен следующий фрагмент из его воспоминаний: «Были у нас разговоры и о том: надо ли издавать и печатать отдельных авторов, когда они еще не нашли себя, не самоопределились: кто они? и что они?

А. Е. НОЗДРИН Фотография. Середина 1890-х годов Собрание И. К. Гафнер, Иваново

"Процесс самоопределения, поиски себя, их полнота и сложность переживания при хорошей их подаче должны расцениваться в положительном смысле. Ведь пути к истине,—сказал Валерий Яковлевич,— часто бывают выше самой достигнутой цели".

Остановился он как-то и на мне как на авторе, которого пора печатать и издавать» 14. Определяя причины, по которым задуманное Брюсовым издание все-таки не было осуществлено, Ноздрин пишет: «Повторилась моя авторская застенчивость, пугала меня и упадочность некоторых стихотворений предполагаемой книжки, и явное противоречие — несходство моих обычных настроений с переданными в ней, где я собирался

Плыть к островам небывалого, К гаваням вечной весны, Где меня ждут, как усталого Гостя холодной страны ¹⁵.

Не отвечали моим новым настроениям и такие стихи задуманной Брюсовым книжки:

Мы робко с волною воюем, Возможно ли здесь устоять, Где бурный прилив неминуем, А пристани нет — не видать ¹⁶.

Стихи эти были нетербургского периода моей перениски с Брюсовым, словарь и образы которых были навеяны Финским заливом, его пристанями, судами и братанием на этих пристанях русских рабочих с иностранцами-матросами. Но в этих стихах была и полная оторванность от излюбленной моей тематики родного рабочего города» ¹⁷.

«Авторская застенчивость», о которой упоминает Ноздрин в своих воспоминаниях, всетаки, видимо, не могла быть серьезной причиной, препятствовавшей изданию сборника его стихотворений. Из писем Ноздрина видно, что и отход от «тематики родного рабочего города», и «упадочность некоторых стихотворений предполагаемой книжки» в 1896 г. «пугали» его в меньшей степени, нежели об этом сказано в мемуарах.

авенир ноздрин, поэма природы. издание валерия брюсова. 1896

Титульный лист неизданного сборника стихов. Рукой В. Я. Брюсова Внизу помета: «Дозволено цензурой, Москва. 27 сент. 1896 г.»

Виблиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Утвержление Ноздрина-мемуариста. возможно, вызвано тем, что между годом предполагавшегося выхода книги и годом написания воспоминании прошло более 30 лет, и Ноздрин смотрел на свои ранние стихи, во-первых, с излишней пренебрежительностью, с высоты всего своего литературного и жизненного опыта и, во-вторых, с позиции класса, не только победившего политически, но и ощущавшего себя к тому времени доминирующим в искусстве. Произошла естественная аберрация зрения мемуариста: некогда одобренные «эстетами» стихи казались ему теперь несовершенными, малозначительными, неорганичными не заслуживающими опубликования.

Колебания и сомнения у Ноздрина, одновременно подверженного полярным влиянием «двух учителей» -Слуховского и Брюсова, естественно, были в периол его переписки с лидером московских символистов (см. п. 6). Но Брюсов при желании мог их легко преодолеть, тем более что к сентябрю 1896 г. сборник «Поэма природы» был полностью подготовлен к печати. После тщательного отбора Брюсов включил в книгу 32 стихотворения (см. п. 5, прим. 2). Эту же цифру называет в воспоминаниях Ноздрин.

В архиве хранится цензурный экземпляр сборника, переписанный рукой

Брюсова, объемом в 40 страниц. На титуле — штамп Московского цензурного комитета и надпись: «Дозволено цензурой 27 сентября 1896 г.» 18

Оставалось отправить, в сущности, готовую книгу в набор. По какой причине Брюсов не сделал этого — можно только догадываться. Ясно одно: этой причиной не могла быть небрежность иваново-вознесенской почты, не доставившей Ноздрину два столь важных для него письма из Москвы (см. п. 6). В конце концов Брюсов мог написать и третье письмо. Ноздрин, со своей стороны, как это видно из его писем 1897 г., на опубликовании своих стихов не настаивал; его жизненные интересы определенно сместились от литературных к социально-политическим (см. п. 6) 19, и после вполне «джентльменского» объяснения переписка лвух поэтов сошла на нет.

Чем же все-таки привлекала будущего вождя символистов поэзия рабочего поэта-самоучки? Называя его стихи «только еще приближающимися к символизму», Брюсов надеялся приобщить своего корреспондента к духу «новой» поэзии и рекомендовал ему обратить внимание на творчество Верлена, Метерлинка, Малларме (см. п. 2). Это вполне соответствовало тогдашним устремлениям Брюсова к консолидации поэтических сил вокруг символизма. Его внимание, естественно, не могли не привлечь наметившаяся тяга рабочего поэта к изданиям русских символистов и те черты его поэтики, которые шли в русле развития новой поэтической школы. Интересны в связи с этим пометы на полях рукописей со стихами Ноздрина. Первое, что проявляется в них очень отчетливо, это отсутствие интереса Брюсова к стихотворениям с «гражданскими», как их характеризовал Ноздрин, мотивами: они или оставлены без каких-либо помет, или перечеркнуты без правки 20. Обходит Брюсов вниманием и так называемые «сюжетные» жанрово-бытовые стихотворения. В то же время Брюсов разного рода пометами выделяет в целом не типичные, даже редкие для поэзии Ноздрина сочетания: «вьюгой злобы», «мост(. . .) терпения», «свет беспокойный, больной» ²¹. Достаточно вспомнить знаменитые пародии Вл. Соловьева на выпуски «Русских символистов», в которых фигурировали «гиены подозрения», «слоны раздумья» и «ослы терпенья» ²², чтобы, убедиться

Delivering be a few materials and the state of the state The state of the second Om usdamens. Dipediaraement comisomosperiis cocmas essoms незначительную гость всего напиваннаго г. Корори ном и карантеринуют мий длу старону: ere norgin. Ustamant agrecums Lid Imb h mour Woomunt much marano Komme. es a de la procesión de la compacta del la compacta de la compacta de la compacta OH I ON TOT IT HER TORION BITO OTHER BEET IT AND WY THE MEDITACION IN CORP. SOPRIABLE RIGHTA SHOC SPINGSOFTE CHRISTIANIONE

В. Я. БРЮСОВ. ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЗАМЕТКА К СБОРНИКУ А. Е. НОЗДРИНА «ПОЭМА ПРИРОДЫ» Автограф. 1896

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

в том, что Брюсов и в стихах Ноздрина заметил характерные для ранних символистов метафоры, построенные на соединении абстрактного и конкретного. Не остались не замеченными Брюсовым также редкие у Ноздрина стихи с «эротической» (весьма умеренной) тематикой. Их всего два, но оба они отчеркнуты и имеют брюсовскую правку и нумерацию, объединяющую стихотворения в своеобразный малый цикл ²³. Примечательно и отчеркивание Брюсовым на полях рукописи строф и стихотворений минорной тональности с мотивами отхода от действительности «в море несбыточных снов» (см. прим. 15): «Хотел бы видеть я цветок, который вянет, // Тебе же от небес очей не оторвать...»; «Не слышно всплеска рыб, // Не слышно чаек. Где-то // Как будто кто погиб // Гнетет все гибель эта...»; «Быстро молодость промчалась, // Чаша с радости желаньем // В быстроте той расплескалась // И наполнилась страданьем...» ²⁴.

И все же очевидно, что и «символистские» метафоры, и «упадочность», по слову Ноздрина, некоторых его стихотворений вызывали у Брюсова лишь попутный интерес. Главная причина его внимания к творчеству рабочего поэта-самоучки заключалась в другом.

Едва ли не во всех работах о Ноздрине приводится брюсовский отзыв о нем из письма к П. П. Перцову от 20 марта 1896 г.: «Осенью напечатаю я 4-й выпуск «Русских символистов» и сборник стихотворений Авенира Ноздрина. Очень оригинальная поэзия» ²⁵. Но что подразумевал Брюсов под «оригинальностью» — сказать, судя только по этому отзыву, трудно.

Эту характеристику проясняет запись Брюсова, оставленная им в черновой тетради в феврале 1896 г. (т. е. до упомянутого выше письма к Перцову). Это — набросок рекламного проспекта «От издателя», в котором Брюсов объявляет о прекращении выпусков «Русских символистов» и одновременно сообщает о том, что намеревается издавать «отдельные собрания стихотворений поэтов, более или менее примыкающих к новому направлению». Далее Брюсов пишет:

«Для пуб \langle ликации \rangle их книжек издатель уже имеет в своем распоряжении следующие рукописи.

1. Поэма Природы. Стихотворения Авенира Ноздрина. (В авторе легко усмотреть, что называется "самоучку", но произведения его поражают стихийною силою таланта. Г. Ноздрина можно назвать Кольцовым, пишущим в духе Тютчева.)» ²⁶.

Оценка творчества иваново-вознесенца явно завышена и во многом обусловлена рекламным характером проспекта «От издателя» ²⁷. Тем не менее данная запись Брюсова придает некоторую определенность его характеристике поэзии Ноздрина. В самобытных произведениях «самоучки» Брюсов, очевидно, ощутил тютчевский космизм мирочувствования в сочетании с простодушной стихией кольцовского стиха.

Следует отметить, что стихотворения с «природно-космической» тематикой и «кольцовскими» мотивами Брюсов, как это видно из его помет в рукописях Ноздрина, выделял из ряда других весьма последовательно: «В объятьях солнца золотого // Согрелась старая земля...»; «Отчего у ночки вешней // Мало звездочек горит? — // Или ночь на нас с лазури // Недоверчиво глядит?...»; «Влево, вправо, как попало // Вьются тропки вековые... // Но не вьются, как бывало, // Мои кудри золотые!...»; «Все бы пел я да рассказывал // О любви, о неге снов // И рассказ с рассказом связывал // В книгу радужных цветов...» и т. п. 28

В сохранившемся черновике брюсовского письма к Ноздрину оценка его поэзии довольно сдержанна. Он пишет, что стихи Ноздрина производят впечатление «главным образом в целом, а не в выборках». «У вас, — писал Брюсов, — есть стихотворения, которые, взятые отдельно, слишком, слишком незначительны. Таково, например, "Над поверхностью морской" 29 . Это мимолетная картинка, и значение она может иметь только в целом ряде таких картинок, только как эпизод той *поэмы природы* (курсив мой. — C. T.), которую представляют из себя Ваши стихи» 30 .

Из письма становится ясно, почему Брюсов намеревался назвать сборник «Поэма природы», а завершалась книга «космическим» стихотворением:

Среди природы я дежурный, За всем слежу, за всем смотрю, Люблю я дня покров лазурный И после бледную зарю. Моя дежурка — мир громадный... О, я величие люблю И только смерти беспощадной Свой пост покорно уступлю ³¹.

Приведенные факты позволяют предположить, что более всего в творчестве Ноздрина Брюсова привлекла именно натурфилософская тематика стихотворений, которые к тому же в какой-то мере «приближались к символизму». Уместно в связи с этим вспомнить, что к 1896 г. сложился устойчивый интерес Брюсова и к «природно-космическому» Тютчеву как к одному из предтеч символизма. Брюсов, разумеется, осознавал действительный поэтический масштаб Ноздрина, который был для него поэтом пока лишь немалых возможностей, а не готовых свершений. Но как раз в этом Брюсов увидел «особое очарование» его поэзии, о чем свидетельствует еще одна брюсовская характеристика в тетради со стихами иванововознесенца: «Ни в одном стихотв орении» нет цельности (...) и в этом особое очарование. Неожиданные сближения. Оригиналь (ная) игра словами. Своеобразн (ый) взгляд на многое» 32.

«Неожиданные сближения» и «своеобразный взгляд на многое» Брюсов мог обнаружить, помимо приведенных выше, и в таких, например, стихах:

Пала роса на зеленых лугах, Трава оросилась, намокла. Анютины глазки сегодня в очках — Росинки на них, словно стекла ³³.

Брюсов отчеркнул на полях эту лирическую миниатюру жирной вертикальной чертой п приписал: «Это! Да!». Такие же пометы стоят у другого четверостишия:

Молчит зеленая сосна, Молчат сверкающие росы. Откуда ветер? Тишина Мне задает в лесу вопросы.

В этом стихотворении Брюсов отредактировал 3-ю строку, написав: «Не веет ветер. Тинина...» 34 .

В рукописях Ноздрина много брюсовских помет, фиксирующих неточные выражения, неправильности размера, неясные образы, неудачные рифмы ³⁵ и свидетельствующих о пристальном внимании Брюсова к полученным стихам. Правка Брюсовым производится в большинстве случаев очень бережно и ограничивается заменой отдельных слов, выравниванием размера, исправлением пунктуации (см. прим. 31 и 34 к наст. ст., а также п. 5, прим. 6—8, 15 и 16). Встречаются, однако, и попытки Брюсова написать, в сущности, новое стихотворение, используя те или иные мотивы и образы Ноздрина. Так, Брюсов пытался сконтаминировать 3 стихотворения Ноздрина («Полдень сегодняшний…», «С каждым днем все живописней…», «И ранняя и дружная…» ³⁶), предварительно выделив отчеркиванием на полях заинтересовавшие его строфы и перечеркнув другие. Остаются такие стихи:

Полдень сегодняшний Весел, румян... Запах черемушный... Брызжет фонтан, Львиные челюсти Влагу струят... В лиственном шелесте Песни звучат...³⁷

Далее Брюсов заменяет стихи Ноздрина своими:

Белый и синий Отблеск в саду Здесь подле циний, Милая, жду.

Эти строки являются отредактированным вариантом строфы из ноздринского стихотворения «С каждым днем все живописней»:

В цветниках жасминов, циний, Приходи, тебя я жду; Цвет зеленый, белый, синий У меня царит в саду.

Продолжает Брюсов снова своим вариантом:

Вот безотказно Входишь и ты — Весело праздную День красоты,

изменив строфу третьего стихотворения Ноздрина «И ранняя и дружная...»:

На ласки безотказною Ко мне являлась ты, И я с тобою праздную День вешней красоты...

В итоге же Брюсов отказывается от всех трех стихотворений Ноздрина и от своего варианта.

Редакторская работа Брюсова над рукописями Ноздрина, очевидно, требует специального изучения. Стихи Ноздрина, посланные Брюсову, остались неизвестными читателю и только два из них были опубликованы: «Я у природы как дежурный...» (под разными названиями: «Моя дежурка», «На славном посту») и «Молодежь» («Праздник. Сон послеобеденный...») ³⁸. Поэтому ограничимся сказанным выше, так как в данном случае нас в первую очередь интересуют лишь доказательства самого пристального внимания Брюсова к полученным стихам и вполне серьезного намерения довести их до публикации в виде отдельного сборника ³⁹.

Вполне очевидно, что переписка и общение Ноздрина с Брюсовым были все же лишь эпизодом в их литературной биографии. Однако публикуемые письма представляют определенный интерес как для брюсоведов, так и для исследователей продетарской поэзии.

Письма Ноздрина обнаруживают в поэте-самоучке, выходце из низов, жившем в трудных условиях (см. п. 2 и 3), человека весьма незаурялного и талантливого. Работая на фабрике по одиннадцать часов в сутки, Ноздрин тем не менее регулярно посещал книжные магазины, внимательно следил за новыми книгами, именами и течениями в поэзии, влумчиво читал рецензии и критические статьи. Возможно, что именно несоответствие условий жизни духовным запросам Ноздрина в какой то мере полтолкнуло рабочего поэта к «новой» поэзии, открыто отвергавшей буржуазную «бездушную действительность» (см. привеленную Ноздриным в п. 1 цитату из стихотворения Лялечкина «Прочь, бездушная лействительносты»). С пругой стороны, в письмах отчетливо проявилось органическое жизнелюбие и демократизм Ноздрина — черта, полярно противоположная мотивам и настроениям символизма. Все это с учетом утраты ноздринского архива придает большое значение публикуемым письмам, говорящим о сложном духовном и поэтическом развитии одного из зачинателей пролетарской литературы, впитавшего в себя лух «старой» поэзии и в то же время не чуравшегося уроков поэзии «новой». Важно при этом отметить, что многие ранние стихи Ноздрина были лишь оправданной во многом попыткой «самоучки» расширить свой поэтический диапазон, проверить себя как поэта в незнакомой потоле сфере.

«Характерной чертой поэтического движения 80-90-х годов,— справедливо отмечает Г. А. Бялый,— было широко распространенное и сказавшееся в творчестве многих поэтов стремление примирить противоречия $\langle \ldots \rangle$ уравнять в правах «чистую поэзию» с гражданской $\langle \ldots \rangle$ сблизить противоположные тенденции и соединить, казалось бы, несоединимые настроения» 40 .

Эта общая характерная черта развития поэзии 80—90-х гг. дает возможность в какойто мере понять и самобытный «эстетизм» Ноздрина.

Дальнейшая и личная, и поэтическая судьба Ноздрина самым тесным образом была связана с революционным движением рабочих Иваново-Вознесенска. С 1898 г., после неосуществившейся попытки издать с помощью Брюсова сборник стихотворений, Ноздрин, по его словам, «как поэт замолчал на целых семь лет» ⁴¹.

В 1905 г., вспоминал Ноздрин, «революционная волна подхватила и меня, в те дни безработного, но связанного общественной работой с кооперацией и зарождающимся профессиональным движением. Я был членом правления общества потребителей и общества взаимопомощи фабричных граверов. Это обязывало меня встать в ряды восставших ивановских рабочих, и я оказался среди них своим человеком» 42.

В 1905 г. Ноздрин, избранный председателем первого в истории России Совета рабочих депутатов, возобновил активную литературную деятельность. Он писал революционные стихотворения, собирал документы, касающиеся хода всеобщей забастовки, «завел дневник и начал набрасывать первые стихи (. . .) поэмы "Ткачи"» ⁴³.

К сожалению, литературные замыслы Ноздрину осуществить не удалось. «Конец этого года, — вспоминал поэт, — ознаменовался выступлением контрреволюционных сил. Манифест 17 октября — эту царскую милость на словах — отцы города превратили в дело самой жестокой мести. Черной бандой я был приговорен к смерти, от возможного самосуда ушел за несколько минут, и вместо, головы черносотенцы отыгрались только издевательством над женой, над детьми, над моим имуществом, квартирой... А мое достояние — книги, накопленные за двадцать лет рукописи, письма, дневники — все разом превратилось в добычу самых разнузданных, безотчетных страстей, на что, как мне передавали после, смотреть было страшней, чем на пожар» 44. Не сохранилась и поэма «Ткачи», утерянная товарищем Ноздрина во время казацкого разгона одной из маевок в г. Рыбинске 45, куда после непродолжительного пребывания в Москве перебрался скрывавшийся от полиции и черносотенцев Ноздрин.

Из Рыбинска Ноздрин переезжает в Ярославль, а весной 1907 г. возвращается в Иваново-Вознесенск. На родине он, однако, пробыл недолго. В ночь на 3 июня 1907 г. его арестовали и вскоре выслали в Олонецкую губернию. С 1909 г., после возвращения из ссылки, поэт жил в Иваново-Вознесенске, но от революционной и литературной деятельности практически отошел.

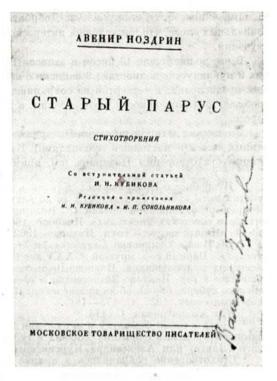
Октябрь 1917 г., радостно встреченный рабочим поэтом, вернул его к активной общественной и литературной жизни. Ноздрин вновь берется за перо, сотрудничает в областной

газете «Рабочий край», входит в «кружок настоящих пролетарских поэтов», деятельностью которого интересовался В. И. Ленин ⁴⁶, участвует в издании местных журналов, альманахов и коллективных сборников ивановских поэтов ⁴⁷.

Конец жизненного пути Ноздрина оказался трагическим. В период сталинских репрессий старый революционер на 76-м году жизни был арестован и убит в тюрьме.

В 1927 г. в Москве отдельным изданием вышел первый сборник стихотворений Ноздрина «Старый парус» 48. Вполне естественно, что 65-летний поэт расценил свою первую книгу как своеобразный творческий итог и, обратившись к истокам, к началу своего литературного пути, не мог не вспомнить первых учителей. 12 октября 1927 г. Ноздрин записывает черновой вариант следующей весьма примечательной дарственной надписи И. М. Брюсовой: «Подытоживая свое прошлое, мне хочется сказать, что еще 30 лет тому назад, когда моя судьба отправилась в поэтическое плавание, то моим рулевым был покойный Валерий Яковлевич.

Жизнь прошла, мое плавание заканчивается, и от него остается "Старый парус", который мне и хотелось бы передать в ту

АВЕНИР НОЗДРИН. СТАРЫЙ ПАРУС. М., 1927 Титульный лист Литературный музей, Москва

семью, где жил мой первый и добрый рулевой, где, как мне известно, я еще не забыт» 49. Уроки «первого и доброго рулевого» были, как мы убеждаемся, столь памятны и поучительны для Ноздрина, что спустя три десятилетия он вспоминает о них с глубокой благодарностью.

Письма Брюсова к Ноздрину, за исключением публикуемого в настоящем томе чернового варпанта одного из них (см.: Tempadu, п. 32), к сожалению, не сохранились. Они, очевидно, погибли в 1905 г. во время погрома, учиненного в доме Ноздрина. Однако некоторые представления о не дошедших до нас письмах Брюсова можно получить из ответов на них Ноздрина. Из п. 2 видно, например, что Брюсов, как отмечалось выше, обращал внимание своего корреспондента на более бережное и тщательное отношение к форме стиха. В п. 7 частично воспроизводится ранее не публиковавшаяся дарственная надпись Брюсова на подаренном им Ноздрину сборнике «Ме еит esse» и брюсовская оценка нравственно-психологического облика М. Криницкого. Количество конкретных примеров можно, конечно, увеличить, но не будет ошибкой и обобщающее утверждение, что во всех письмах ощутимы идеи, планы, советы Брюсова. С учетом того факта, что речь идет о глубоко заинтересованной переписке Брюсова с рабочим поэтом, человеком незнакомой ему демократической среды, необходимо отметить значение публикуемых писем для дальнейшей детализации и уточнения социально-эстетической позиции лидера московских символистов в середине 90-х годов.

В Ноздрине, как мы убеждаемся, Брюсов увидел не столько еще одного потенциального участника нового литературного направления, хотя и это, разумеется, было для него немаловажным, сколько союзника из низов, неожиданного приверженца из демократической среды.

Не менее важное значение письма Ноздрина имеют и для уточнения некоторых других вопросов брюсоведения и — шире — изучения символизма в целом. Так, они, вопреки распространенному мнению о кастовой изолированности русского символизма в литературном процессе конца XIX в., свидетельствуют о некоторой распространенности произведений молодого Брюсова и других модернистов (в письмах Ноздрина встречаются имена Бальмон-

та, Лялечкина, Вл. Гиппиуса, Ал. Добролюбова и др.) среди читающей публики разных социальных слоев, что, безусловно, интересно с точки зрения их историко-функционального изучения.

Всего до нас дошло 13 писем и записок Ноздрина к Брюсову (ГБЛ. Ф. 386, 96.28). Изних 9 публикуется полностью; З записки с некоторыми сокращениями приведены в настоящем предисловии; в четвертой из сохранившихся записок (от 24 января 1896 г.) Ноздрин сообщает о невозможности возвращения в Москву и о своем новом ивано-вознесенском адресе.

Все письма датированы самим Ноздриным, исключая п. 4 и 9 (см. обоснование датировки данных писем в настоящей публикации). Кроме писем, в архиве хранятся неопубликованные стихотворения Ноздрина (см. прим. 18).

 1 Подробнее о Ноздрине см.: Как мы начинали. Поликанов А., Орлов А. Очерк поэзии текстильного края с 90-х гг. XIX в. до наших дней. Иваново, 1959; Куприяновский П. В.

Текстильного кран с 90-х гг. Ата в. до наших дней. Иваново, 1959; куприжновский П. В. Ветеран революционной поэзии (А. Ноздрин) // Куприжновский П. В. В широком потоке (статьи о советских писателях). Иваново, 1963; Жохов М. Поэт ивановских ткачей // Ноэдрин А. Старый парус: Стихи. Иваново, 1962; Семеновский. С. 214—217.

2 Об Иване Осиновиче Слуховском и его кружке см.: Как мы начинали. С. 167—182; Маслов Д. Первый с.-д. кружок // XXV лет РКП (большевиков): Воспоминания иваново-вознесенских подпольщиков. Иваново-Вознесенск, 1923. С. 29—31; Малицкий Н. В. «Тайное общество» в гор. Иваново-Вознесенске в 90-х годах XIX столетия // Труды Иваново-Вознесенского губерн. научн. об-ва краеведения: Историко-революционный сборник. Вып. 3. Иваново-Вознесенск, 1925. С. 175—181.

³ Как мы начинали. С. 174.

 Поэта с такой фамилией в окружении Брюсова не было. Ноздрин, очевидно, ошибся, называя Муромским одного из близких в ту пору к Брюсову поэтов Александра Миропольского (Ланга) или Александра Курсинского.

5 Стихотворение сохранилось в архиве Брюсова:

Осень злая, непокойная, Наконец хоть ночь уведрила, Ночь, старуха богомольная, Миллион лампад затеплила.

Но когда сердцами братскими Вспыхнет день с отрадой вешнею Не проклятиями адскими Будет жизнь полна, а песнею?!..

 $(\Gamma B JI.$ Ф. 386, 58.8. Л. 16об). Стихотворение включено в сборник Ноздрина «Поэма природы», причем вторая строфа целиком переработана Брюсовым:

Но за днями одинокими Дни придут с отрадой вешнею, И не блестками далекими Озарится жизнь, — а песнею.

(Там же. 58.9. Л. 5. Опубл.: Семеновский. С. 219. В ред. Брюсова). См. также письмо Брюсова к Ноздрину (*Tempa∂u*, п. 33).

⁶ Как мы начинали. С. 178.

7 В. А. Маслов — псевдоним Брюсова, под которым он выступал как издатель сборников «Русские символисты».

^в Čм.: Тетради, п. 33.

⁹ Франц Эверс (1871—1947) — немецкий поэт-символист. Об отношении Брюсова к его поэзии см.: ЛН. Т. 85. С. 732—733, 754; Тетради, п. 16, прим. 6.

¹⁰ Как мы начинали. С. 182.

11 См. записи от 22 октября 1895 г.: «Жду Ноздрина (Авенира)»; «22. Воскр (есенье). Днем у меня Ноздр \langle ин \rangle » и от 26 ноября 1895 г.: «В $\langle o \rangle$ с $\langle кресенье \rangle$. У мен $\langle n \rangle$ Ноздр \langle ин \rangle » ($\Gamma E J$. Φ . 386. 1.13/2. Л. 20 об., 21, 25).

¹² Там же. 96.28. Л. 12, 14, 16. ¹³ Как мы начинали. С. 180—182.

¹⁴ Там же. С. 182.

15 Стихотворение сохранилось в архиве Брюсова:

Я наконец-то прислушался К песне в родной стороне... То, с чем давно я аукался, Чу, откликается мне...

Как не пойти, не откликнуться Песнею новой на зов!.. Хочется броситься, кинуться В море несбыточных снов...

Далее следует приведенная Ноздриным строфа.

Брюсов отчеркнул стихотворение на полях, но в сборник «Поэма природы» оно не вошло.

Правки нет $(\Gamma E J)$. Ф. 386, 129.14. Л. 59). ¹⁶ Там же. 58.8. Л. 25. Брюсов включил это стихотворение в сборник.—См.: Там же. 58.9. Л. 10. Опубл. Семеновский. С. 220; см. также п. 5, прим. 12.

¹⁷ Как мы начинали. С. 182.

Сохранилась дневниковая запись Ноздрина от 14 октября 1925 г.: «Переписываю стихи для М. П. Сокольникова. Это будет второй случай, когда я свои стихи буду посылать в Москву. Когда-то я их носил В. Я. Брюсову, согласившемуся их и издать, а потом мы оба решили, что мне издаваться еще рано, и это "рано" так и осталось "раном", одним моим неисполненным делом, за которое, к великому моему счастью, отвечать, кажется, не придется». Сообщено В. С. Бяковским (из архива И. К. Гаффнер, г. Иваново).

18 ГБЛ. Ф. 386, 58.9. Л. 1. Всего в архиве Брюсова сохранилось более 200 неопубликованных стихотворений Ноздрина (см.: Там же. 58.8, 9; 129.14).

19 Сам Ноздрин об этом периоде жизни вспоминал: «Когда я из Питера возвратился в Иваново и поступил работать на одну из самых захудалых фабрик Петра Дербенева, то на ней (да так было и на других местах) я встретил огромный рост сознания рабочих, встретил прослойку из рабочей массы, таких товарищей, с которыми можно было легко и безбоязненно говорить на какие угодно темы. Прошло каких-нибудь три-четыре года после разгрома нашего объединения, а на пустыре $\langle \dots \rangle$ в обеденный перерыв собиралось уже человек по 10—15, поднимавших тогда вопросы стачечного движения, борьбы с экономизмом, профессионального и кооперативного движения. Это были дневные сходки революционного подполья социал-демократических кружков (...) Это меня обязывало побольще знать, пабольше читать, чтобы на запаваемые товарищами вопросы отвечать по существу: лжезнайкой я быть не хотел. И у меня эта эпоха приобретения знаний отодвинула стихотворство на задний план (...)» (Как мы начинали. С. 182).

20 См.: ГБЛ. Ф. 386, 58.8. Л. 1, 31, 31об., 32об., 33.

21 Там же. 129.14. Л. 42; 58.8. Л. 20об.

22 Вл. С. (В. Соловьев). Еще о символистах (Русские символисты. Лето 1895. М., 1985) // BE. 1895. № 10. C. 847-851.

23 «Туманный смрад... Наложниц-жен // Безумный торг в разгаре...»; «Тело горячее... Сон опьяняющий // Сладостью ласки томит...» (ГБЛ. Ф. 386, 129.14. Л. 52, 53).

²⁴ Там же. 129.14. Л. 33; 58.8. Л. 250б.; 129.14. Л. 38. ²⁵ Письма к Перцову. С. 70.

 26 FBJ. Ф. 386, 3.4. Л. 2806. —29. Заметим, что Брюсов намечает в этом проспекте издание серии книг. Первой из них значится «Поэма природы» Ноздрина, за ней должны были послеповать сборники самого Брюсова под псевдонимами Владимира Дарова, Лидии В. и сборник пореводов из Малларме «Листки». Эти сборники Брюсова не были подготовлены, и возможно, что это и послужило одной из причин ослабления его интереса к изданию стихов Ноздрина: вне «серии» символистских сборников издание это не представляло для него существенного смысла.

27 Вступление к сборнику, подписанное инициалами В. Б., выглядит следующим обрааом: «Предлагаемые стихотворения составляют незначительную часть всего написанного г. Ноздриным и характеризуют лишь одну сторону его поэзии. Издатель просит видеть в этом

сборнике лишь начало книги» (ГБЛ. Ф. 386, 58.9. Л. 2).

²⁸ Там же. 129.14. Л. 20; 58.8. Л. 26 об., 23об.,; 129.14. Л. 56.

²⁹ Там же. 58.8. Л. 16.

Над поверхностью морской, Гладкой, как зеркальной, Встала радуга-дуга Аркой триумфальной.

И бегут в нее суда, Бойко выстилаясь, Спорят с нею пестротой Флаги, развеваясь.

30 См.: Tempa∂u, п. 33.

. ³¹ ГБЛ. Ф. 386, 58.9. Л. 19об. Брюсов отредактировал четвертую строку стихотворения. У Ноздрина было: «На нем вечернюю зарю» (129.14. Л. 62об.). В журнале «Россия» (1925. № 4. С. 262) стихотворение было опубликовано как брюсовское со следующим примечанием: «Помещенные выше стихи принадлежат к числу первых юношеских опытов В. Я. Брюсова. Стихи еще наивны, несовершенны по форме, но уже в них намечаются некоторые ноты будущей поэзии Брюсова». Курьезно подмеченные публикатором (имя его в журнале не обозначено) «ноты будущей поэзии Брюсова» в стихотворении Ноздрина являются тем не менее косвенным доказательством правоты слов Брюсова о том, что ноздринские стихотворения «приближаются к символизму». См. также: Какмы начинали. С. 200, прим. 34; Семеновский. С. 221—222.

³² Цит. по ст.: Благоволина Ю. П. Архив Брюсова. Материалы, поступившие после 1966 г. // Записки Отд. рукописей ГБЛ. Вып. 39. М., 1978. С. 52.

³³ ГБЛ. Ф. 386, 129.14. Л. 57.

³⁴ Там же. Л. 60. В сборник «Поэма природы» стихотворения не вошли. «Неожиданными сближениями» интересно и стихотворение «Среди природы я дежурный...». Космическая тема дается в нем через приметы рабочего быта — «моя дежурка».

35 Множество примеров этих неточностей Брюсов приводит в письме к Ноздрину (см.:

 $Tempa\partial u$, п. 33). 36 $\Gamma B \mathcal{I}$. Ф. 386, 58.8. Π . 15, 15об.

³⁷ О рифмах *шелесте — челюсти, сегодняшний — черемушный* см. в п. Брюсова к Нозд-

рину (Тетради, п. 33).

³⁸ Первое стихотворение публиковалось во всех сборниках стихотворений Ноздрина: «Старый парус» (1927); «Избранные стихотворения» (1935); «Старый парус» (1962); второе в коллективном сборнике ивановских поэтов «Красная улица» (см. прим. 47). В 1989 г. в серии «Библиотека поэта» вышла книга Семеновский. Там опубликованы еще 9 стихотворений Ноздрина из числа присланных Брюсову.

Заметим, что часть правки, сделанной в тетради рукой Брюсова, фиксирует не брюсов-

скую, а авторскую правку, сообщенную Ноздриным Брюсову в п. 5 и пунктуально перенесенную последним в авторский текст.

40 *Бялый Г. А.* Поэты 1880—1890-х годов // Поэты 1880—1890-х годов Л., 1972. С. 52.

⁴¹ Как мы начинали. С. 182.

⁴² Там же. С. 183. ⁴³ Там же. С. 184.

⁴⁴ Там же. С. 184—185.

⁴⁵ Там же. С. 186.

46 См. подробнее: Куприяновский П. В. Сквозь время. Ярославль, 1972. С. 136—142.

⁴⁷ Один из таких сборников («Красная улица») в 1920 г. был послан Брюсову с дарственной надписью (часть надписи оторвана и воспроизводится предположительно):

(Уважаемый Валерий Яковл)евич!

(Группа (кружок?) ивановских (пролетарских)) поэтов; чтя в Вас одного из своих передовых руководителей, посылает Вам настоящий сборник для товарищеского отзыва.

С товарищеским приветом.

(Далее следуют подписи Ив. Жижина, Ф. Дмитриева (Костромского), А. Ноздрина, Д. Семеновского, Ал. Тимонина, Сергея Семина, Мих. Артамонова, А. Сумарокова, Вас. Смирнова, Ал. Луганского, С. Селянина — ГБЛ. Ф. 386. Книги, № 1536).

На с. 53—56 сборника были помещены 6 стихотворений Ноздрина, в том числе два из посылавшихся в 1895—1896 гг. Брюсову: «На славном посту» («Я у природы как дежурный...») и «Молодежь» («Праздник. Сон послеобеденный...» — см. прим. 38. Текст последнего стихотворения Ноздрин приводит в п. 4).

Вполне возможно, что именно Ноздрин был инициатором отправки сборника Брюсову.

К сожалению, сведений о каком-либо отклике Брюсова на книгу не имеется.

48 В сборник вошло только одно из стихотворений, посланных в свое время Брюсову,—

«Моя дежурка...» («Среди природы я дежурный...»).

49 Цит. по ст.: *Куприяновский П. В.* Автографы пролетарского поэта // Ленинец. Ива-

ново. 1982. № 230. 30 нояб.

Последние слова дарственной надписи «я еще не забыт» дают возможность предположить, что у Ноздрина была либо встреча, либо переписка с И. М. Брюсовой. Второе вероятнее в связи с тем, что в 1925 г. в журнале «Россия» было опубликовано как брюсовское стихотворение Ноздрина «Моя дежурка...» (см. прим. 31). Вполне возможно, что Ноздрин написал по этому поводу И. М. Брюсовой и получил от нее ответ. В архиве И. М. Брюсовой, однако, ни

одного письма Ноздрина нет. Архив Ноздрина этого периода не сохранился.

Была ли послана книга с надписью И. М. Брюсовой — неизвестно, так как экземпляр «Старого паруса», сохранившийся в библиотеке Брюсова (ГЛМ), дарственной надписи не

имеет.

С. Петербург. 1895 г. 17 — Март.

Валерий Яковлевич!

Простите, что я незваным гостем стучусь в Вашу Святую-святых и верьте, стучусь робко и несмело: боюсь Вас оторвать от светлых творческих дум, от начатой песни, от книги, от беседы с друзьями и боюсь нарушить Ваши грезы о лучших днях света, тепла, и боюсь смутить Ваши ожидания вешних южных перелетных гостей, и все-таки пишу, пишу к Вам с севера. Верьте и знайте, что с лучшими и моими ожиданиями весеннего солнца, южных перелетных птип тесно сроднилися ожидания Ваших книг, Ваших песен. И знайте, не только их теплота, свет, звуки наполняют мою душу восторгами, но и белизна книги, чернота букв для меня также полна прелести, они белы, как лебеди, которые скоро потянут к нам в юга, а чернота их букв равняется черноте глаз южных красавиц. Но, увы! весеннее солнце часто от меня будет закрываться улицами, их каменными грандиозными строениями, а когда полетят птицы с юга, они увидят в городе камень на камне, камень камня побивает, и негде им будет приютиться, они полетят мимо дальше, — и я останусь один.... Но у меня останутся желания, жажда чистых и светлых наслаждений, какими жил и недавно умерший поэт Лялечкин, который в тяжкие минуты говорил:

> Прочь, бездушная действительность!.. Я хочу лучистых грез, Мотыльков, веселых ласточек, Белых ландышей и роз!..1

И все это дадут мне Ваши книги, о которых я хочу сказать несколько слов.

Вступительная заметка второго выпуска «Русские символисты», написанная Вами в ответ на письмо «прелестной незнакомки» 2, заинтересовала и меня и, главным образом, как боевая страница за новую школу поэтов, к которой принадлежите Вы, которая также пользуется и моими симпатиями. Очень жаль. что Ваше любезное желание продолжать далее эту переписку не распространяется и на других Ваших читателей. И мне хотелось бы знать, насколько эта переписка разрослась или она уже пришла к концу, из которой Вы вышли победителем, чему я готов рукоплескать и крепко, крепко пожать Ваши руки. Я. признаюсь, эту переписку поджидал и думал ее найти предисловием или также новой вступительной заметкой при следующих выпусках Ваших книг, которых, как мне известно, до сих пор не выходило, а в последней Вашей книге «Романсы без слов» ³ я, к сожалению, этого не нашел. Все критические статьи, какие мне пришлось прочесть по поводу школы символистов, носят слишком субъективный характер известного направления автора и отличаются крайней нетерлимостью, доходящей порой до глумления над разбираемым автором, над вниманием и терпением читателя, который жаждет истины, а ему преподносят какую-то площадную брань 4. Ваша же заметка мне многое уяснила, указала многие задачи этой поэзии, и я надеюсь от Вас заручиться полным катехизисом символизма и его последователей. Когда я читал Ваши книги, мне не раз приходила такая мысль: символические стихотворения или, как Вы их называете, «стихотворения поэзии намеков» 5 не должны быть озаглавленными?! Чувствую, что Вы улыбаетесь. Не знаю, как на других, но на меня всегда декламатор производил более впечатления, когда что-нибудь начинал читать прямо с первой строки, — без разных предисловий. Тот же, кто выходил на сцену и первым делом произносил: «Вечер. Стихотворение такого-то», да полушепотом прибавлял еще и эпиграф, то, право, он почему-то мне не нравился.

Так, прочитав и заглавие символического стихотворения, невольно является свое представление о содержании его, воображение забегает вперед, сравнивает его с прочитанным ранее на эту тему, и вы скорее в стихотворении разбираетесь, а не наслаждаетесь его музыкой, образами и всем тем, что производит на нас непосредственное впечатление. И там, где Вы говорите, что «связь, даваемая этим образам, более или менее случайна, так что на них нужно смотреть как на вехи невидимого пути, открытого для воображения» в заглавие-то вот тут воображение и ограничивает, и его нельзя назвать первой вехой, а оно тут стоит как придорожный столб, на котором красуется надпись, дорога эта ведет туда-то... Как видите ниже, я тоже пишу стихи, которые посылаю Вам как к судье, которого прошу обжаловать мою просьбу, указать на то, есть ли во мне хоть маленькая доля того богатства человеческой природы, которое называют талантом? И для меня было бы лестно, если бы из них что-нибудь удостоилось напечатания в издании Владимира Александровича Маслова?. Думаю, и надеюсь, что Вы мне на это письмо ответите, что я буду ожидать с нетерпением.

Ваш покорный слуга, Авенир Евстигнеевич Ноздрин.

С. П(етер)бург, Царскосельская ул. (Петербургская сторона), дом Гусевой № 10.

¹ Первая строфа стихотворения И. Лялечкина «Символическое» // Петербургская жизнь. 1895. № 123. 12 марта (из подборки «Посмертные стихотворения И. Лялечкина»).

Иван Осипович *Л ялечкин* (1870—1895) — поэт, драматург, театральный критик. Печатался в «Наблюдателе», «Неделе», «Севере», «Будильнике» и др. изданиях. С Брюсовым Лядечкин лично знаком не был, но вел с ним переписку со времени выхода в свет 2-го выпуска «Русских символистов». В архиве Брюсова хранятся 6 писем Лялечкина 1894—1895 гг. (ГБЛ. Ф. 386. 93.12); в черновых тетрадях Брюсова хранится одно письмо к Лялечкину (см.: Тетради, п. 24). В марте 1895 г. Брюсовым сделана в дневнике следующая запись: «Умер Лялечкин. Эта смерть, против ожидания, глубоко затронула меня» (Дневники. С. 20). 25 марта 1895 г. в письме к П. П. Перцову Брюсов писал: «Читали ли Вы посмертные стихотворения Лялечкина в «Петербургской жизни?».

П. ВЕРЛЕН Офорт А. Цорна «Весы», 1907, № 12

То было тело нервного ребенка От кончика ботинки до волос!

Клянусь, что это очаровательно! О стихотворении "Прочь, бездушная деиствительность" я уже не говорю» (Письма к Перцову. С. 15).

См.: PC 2. С. 5-12; VI. 28-31.

з Верлен II. Романсы без слов/Пер. Валерия Брюсова. М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1894.

4 Поздрин имеет в виду критические выступления против сборников «Русские символисты» (см.: Библиография/11. № 3-13).

⁵ *P.C 2*. С. 10; VI. 30 (цитата не точна).

⁶ Там же (цитата не точна).

⁷ См. вступ. ст., прим. 7. В 1-м выпуске «Русских символистов» в разделе «От издателя» Брюсов писал: «Гг. авторов, желающих поместить свои произведения, просят обращаться с обозпачением условий на имя Владимира Александровича Маслова. Москва, почтамт, розte restante» (PC 1, C, 4).

С. П(етер)бург. (18)95 г. 16 — Апрель.

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Спасибо за Ваш ответ и за указания на недостатки моих стихов, к чему я отношусь с большим вниманием. Спасибо и за то, что Вы не отка-

зываетесь посмотреть и новые мои стихи, и если что-нибудь напишу, то постараюсь Вам — прислать.

Бесцеремонное отношение к рифмам и вообще небрежность формы в моих стихах является следствием тех исключительных условий, в которых я нахожусь, что считаю совсем неблагоприятным для такого труда.

Я по своим занятиям гравер (чем и существую), работаю по 11-ти часов в сутки, от труда этого требуют и формы, и многого другого, что за день страшно утомляет, и изредка мне выдается такое время, когда становишься способным

что-нибудь написать.

Франц(узского) языка, я, к сожалению, не знаю, так как вообще мое учение не шло дальше трех классов простого училища, а позднее не было такого времени, когда бы мог я заняться франц(узским) языком и многим другим, что является существенным пробелом в моем развитии. Верлен, Малларме и Метерлинк мне известны только по Вашим книгам , к которым еще могу прибавить. Эдгара По (в переводе Бальмонта)², Бодлера (в переводе неизвестного)³; вот и все, что говорит мне о последнем слове искусства в области поэзии. Конечно, Фет и Фофанов мои хорошие руководители.

Систинным почтением Авенир Ноздрин.

1 См. п. 1, прим. 3. Переводы из Верлена были опубликованы Брюсовым также в РС 1 и 2, из Метерлинка — в $P\hat{C}$ 1, из Малларме — в PC 2.

2 См. наст. кн., Переписка с Бальмонтом, п. 15, прим. 12.

³ Стихотворения Бодлэра. М.: Изд. Петровской б-ки, 1895/Предисл. К. Бальмонта; (Пер. П. Якубовича). Прим. издателя на с. 111: «Переводчик пожелал остаться неизвестным».

3

(Петербург. 18)95 г. 9 — Сентябрь,

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Представьте какое совпадение: в день получения Вашей посылки меня неотступно из утра преследовала мысль, написать Вам письмо, и вдруг, возвращаюсь с занятий домой, жена (которую я уже имею и еще ребенка) смотрю сомной почему-то особенно нежна и что-то подает мне в руки. В полусвете сумерек начинаю рассматривать и... О. бог мой! Ваше письмо. Ваши книги! И как все это любезно и как все это вовремя. Спасибо! Много раз спасибо! Но половина из присланного мне была уже известна. Ваши «Шедевры» 1 я успел приобрести. и с ними я был уже немного знаком. Я внимательно следил за выходом новых книг, и книж (ный) магазин «Попова» ² не раз осаждал вопросом: не выходил ли 3-й выпуск «Русских символистов»? И вот также нежданно, как посылку, мне вручили Ваши «Шедевры». В них мне особенно нравятся «Снега» (пелая поэма), «Давно», «На островах Пасхи» 3, «Свивалися бледные тени» 4, и своеобразно оригинальны «Сумасшедший» и «Три свидания». Статья Волынского «Русские символисты» («Северный вестник» — сентябрь) ⁵ указала мне на книгу Александра Добролюбова, которую я также приобрел. Он совместно с Владимиром Гиппиус (ом) печатает новую книгу, это не ту ли самую, которую Вы мне рекомендовали во втором письме? 6. А писать Вам я хотел по следующим двум причинам. 1) Теряясь в догадках, почему Вы запоздали своим обещанием написать мне письмо? Я очутился в положении, которое отчасти меня своей неопределенностью мучило, да и желательно, и лестно было мне услышать от Вас то «многое», которое Вы мне обещали написать. 2) На днях я должен переменить адрес. 10 сентября из Питера я уезжаю или, вернее, из Колтовской. Это один из больных уголков столицы, где я прожил ровно два года, где все пропахло табаком, селедкой, водкой и сифилисом. Жил я тут почти безвыходно, время мне не позволяло и такой роскоши, как, например, побывать лишний раз в городе. Впрочем, знаменитые петербургские острова были у меня под руками, но и они мне успели приглядеться, где как ни хорошо, а все-таки попахивает и рыбой, и утопленниками, того и другого в Питере довольно. Что еще? А Пуант с «закатом». Чего? С закатом чухонского солнца, которое, нужно сказать, большую часть года закатывается довольно скверно и черт знает куда, ничего не видать. Я видел закат солнца в степи, в Малороссии, там куда любопытнее! Ну, и квартира, которую я занимал, представляет из себя не то какую-то конуру, не то какой-то шкапчик об одном окошке, где нам втроем было и тесно, и душно, и это все не Петербург! При такой обстановке можно совсем обалдеть и потерять всяческую способность мыслить и чувствовать. Вот и сейчас я пишу на кончике стола, на котором нет никаких письменных украшений, ну хоть вроде тех, которые есть у франц (узских) символистов, там черепа что ли, а стоят около меня глиняные черепки, из которых я после трудов праведных изволю кушать зеленые щи. Итак, Царскосельская улица не совсем благоприятна для поэзии, это не то, что Царскосельский лицей, когда-то славный именами великого Пушкина и мног(ими) друг(ими). Тут могут только появляться мертворожденные литературные выкидыши, но уж никак не шедевры. В Вашем письме есть мысль, которая дважды указывает на то, что в моих стихах есть нечто и хорошее, но из них трудно что-нибудь выбрать для сборника по причинам, которые я понимаю. И мне кажется(?) *, что Вы это высказываете так, как будто Вам не хочется меня обидеть(?) *. Обижаться, конечно, я и не думал, и с Вашей мыслью, что стихи мои еще только приближаются к символизму, я вполне согласен. Недостаточно одного желания, которое я возымел, перейти от одной школы к другой, сделаться из певца гражданских мотивов, прямолинейно тенденциозной поэзии, певцом символизма. Тут нужно некоторое перерождение, новый душевный уклад, писать не насилуя себя, а так, как душе угодно, для чего потрсбуется

^{*} Вопросительные знаки поставлены Ноздриным.

и время, и продолжительный опыт. Но нужно сказать, что за все прошлое время моего писания у меня было несколько моментов, когда я писал стихи близкие к символизму, но это объясняется, пожалуй, тем, что все поэты немного символисты. Ну, а то, что я писал вообще раньше, далеко не символично, и Вы увидите ниже мои образцы, о которых я также хотел бы иметь Ваш отзыв. Были у меня и такие тетради со стихами, которые можно было открывать только при закрытых дверях. Они не то, чтобы были циничны, а просто либеральны. «Ах, да вы и либерал?» — Вы скажете. Но верьте, этим я не хотел Вас ни позабавить, ни заинтересовать, а просто я считаю своей нравственною обязанностью насколько возможно уяснить Вам свою личность: после нашей маленькой переписки я вправе сказать, что мы с Вами немного знакомы. Счастлив поэт, который помимо таланта имеет еще и душу артиста-х удожника, который, порой, не только хочет высказаться, но и жаждет мученичества-творчества, к таким счастливым натурам я причисляю и Вас, а потому такова и Ваша Богиня поэзии и гордая, и строгая. И мне хочется перед этой Богиней не только преклоняться, но и служить ей. Ну, а я, может быть, только такая натура, у которой бывает «потребность высказаться», как говорит русский Ведрин у Додэ⁷, а поэтому я, может быть, ей в слуги и не годен. А ради того, чтобы только высказаться, пожалуй, писать стихов и не надо, а можно довольствоваться прозой. Но Карлейль сказал, что «чувство должно быть пропето» в, и мне хочется, чтобы про меня говорили так:

> Его сердце — воздушная лютня, Прикоснись — и она зазвучит 9.

И куда бы не желательно слышать такой пародии на эти стихи:

Его сердце — гнездовье гадюки, Прикоснись — и она зашипит.

Нет, лучше будем петь и звучать и, где нужно, призывать на помощь художника, который научит тому, чего в нас нет от природы, но что входит в строгие неотложные требования вашей гордой Богини поэзии.

Ваш Авенир Ноздрин.

Адрес: Иваново-Вознесенск. Покровская улица, дом Александры Ноздриной. А. Е. Ноздрину 10. Что заставило Миропольского отказаться от литературной деятельности? 11 Лоран Тальяд 12 это не тот ли Тальят, которого анархисты слегка задели динамитной бомбошкой?

Ответ на п. Брюсова. См.: $Tempa\partial u$, п. 33. Речь идет о $Chdo\ 1$. Рассылку первых экземпляров сборника Брюсов начал 25 августа 1895 г. (I, 572). Вместе с «Шедеврами» Брюсов прислал Ноздрину РС 3.

² Известный в Петербурге конца XIX в. книжный магазин М. В. Попова (А. М. Ясно-

го) — Невский пр., 66.

³ Стихотворение «На острове Пасхи» опубликовано в *Chd0 1* под названием «На островах

- Пасхи». В Chd0 2 ошибка в заглавии исправлена.

 4 У Брюсова «Свиваются бледные тени...».

 5 Волынский А. Русские символисты. Вып. I—II. М., 1894; Добролюбов А. Natura naturans. Natura naturata. Тетрадь № 1. СПб., 1895 // СВ. 1895. № 9.

 6 Очевидно, книга «Образцы "новейшей" поэжи, в переводе Алек. Добролюбова и Вла-
- димира Гиппиуса» (см. объявление в кн.: Добролюбов 1895. С. 100). Переводы в свет не вышли.

Герой романа Альфонса Додэ «Бессмертный». 8 Герои и героическое в истории: Публичные беседы Томаса Карлейля/Пер. с англ.

В. И. Яковенко. СПб.: Изд. Ф. Павленкова, 1891. С. 126-127.

Источник цитаты не установлен. ¹⁰ На внутренней стороне обложки черновой записной тетради Брюсова за февраль 1896 г. записано: «Иваново-Вознесенск. Покровская ул., д. Ноздриной. Авениру Евстигнеевичу Ноздрину». Адрес Ноздрина вновь записан Брюсовым на внутренней стороне обложки за-писной тетради конца 1897 г. — января 1898 г.: «Авенир Ноздрин. Ив.-Вознесенск. Покров-ская ул. д. Александры Андр. Ноздриной» (ГБЛ. Ф. 386, 2.20 и 3.4).

¹¹ А. Л. Миропольский — один из псевдонимов Александра Александровича *Ланга* (1872—1917), поэта-символиста, активного участника сборников «Русские символисты».

Дружба Брюсова с Лангом, начавшаяся еще в гимназии, продолжалась до смерти последнето. Миропольскому — «другу давних лет» — Брюсовым посвящен в ПП 1 и ПСС 1 сборник «Chefs d'Oeuvre». В 1902 г с предисловием Брюсова вышла поэма Миропольского «Лествица».

Об отказе Миропольского от литературной деятельности сообщалось в *PC 3* на °c. 28г «...Отречение г. А. Л. Миропольского от литературной деятельности замедлило издание пе-

реводов из Фр. Эверса, но мы надеемся выпустить их за зиму 1895—6 г.».

12 Лоран Tальяд (Тайад) (1854—1919) — францзский поэт-символист. В 1894 г. был ранен бомбой, брошенной анархистом в ресторане. В известном деле Дрейфуса Тальяд был активнейшим сторонником «дрейфусаров». В PC3 было опубликовано стихотворение Тальяда «Убывающая луна» («Подводные цветы! Воспоминанье снова...») в переводе Брюсова.

4

Иванов (о)-Вознесенск, (1896) 9 февраль.

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

«Тяжело умирать, хорошо умереть» 1,— говорит Некрасов в своих лебединых песнях. Эти два положения у него отделены знаком, говорящим, что междуними есть тесная связь, и иначе не могло быть: разрушающий его недуг был мучительной жизнью, и, зная его роковой исход, ему хотелось умереть, и это желание было чистой физической смерти.

Но вот передо мной книга Бальмонта «Под северным небом», в которой можно

видеть, что и для Бальмонта смерть желанна.

Живи, молись — делами и словами, И смерть встречай, как лучшей жизни весть ².

Так кончается первая песнь книги и тем же самым заканчивается она, где он плачет и жалеет тех безумцев, «бессильных понять, что в смерти больше Жизни, чем в жизни»... ³ И тут же он взывает:

К тебе, о царь, владыка, дух забвенья, Из бездны зол несется возглас мой: Приди. Я жду. Я жажду примиренья ⁴.

Смерть, убаюкай меня! 5

Это песни болеющего жаждой смерти и смерти, прежде всего, моральной, и все это, может быть, вылилось так же искренне, как и у больного Некрасова. Конечно, Бальмонта можно заподозрить и в том, если он физически здоров, что с представлением и с идеей о смерти он только пококетничал. Но есть и такие чудаки, отличающиеся крайней девственной наивностью, считающие себя поэтами и существами какими-то эфирными, которые умирают очень спокойно, «как тихий шум травы».

Нет, не зайдешь ты светлою звездой, Ты не угаснешь, заревом пылая, Не как цветок умрешь ты полевой, Не улетишь, звеня, к родному краю. Угаснешь ты, но грозная рука Тебя сперва безжалостно коснется; Природы смерть спокойна и легка— На части сердце, умирая, рвется!

 $(\Gamma epser)^{\mathfrak{g}}$

У Бодлера есть маленькая поэма в прозе «Опьяняйтесь» 7, в которой он советует жить — опьяняться, опьяняться всем, кто чем может: вином, любовью, наукой, поэзией и т. д. И жаль, что он не заставляет опьяняться самой жизнью, жизнью не в том смысле, когда она дает нам что-нибудь положительное, или мы имеем в ней успех, или после неудач выходим из нее неуязвимыми, нет, когда между нами и нею завязываются какие-то смутные непосредственные отношения, мы отрешаемся от собственного я, отдаемся ее течению, и она захватывает всеми своими проявлениями, всеми своими мелочами, как нечто наркотическое в ней веет. Такова и моя привязанность к жизни, и до сих пор я не говорил и не хочу

Br nodzeweste warest caymant resolver, spragame by ware super parame command.

To moraus be wyry kant caymant, of moraus segur barrens comenoso. Il nabrapus bor phosis in Maradems, comestro pagravaments, Sangymenu beforg bolos.

Stamp must born pagrabament, lessolvera un repupady

Unare deliminament a dynament.

O racyso-per obedody

Our de adjames pagravames?

Il bezant-mo repassiones

Our dens Breas, obecarines

Our dens Breas, obecarines

Our dens or becomprouse: be repues!.

Charrier gapras coma,

Utouro me comprouse: be repues!.

СТРАНИЦА ИЗ ТЕТРАДИ СТИХОТВОРЕНИЙ А. Е. НОЗДРИНА

Автограф с правкой и зачеркиваниями В. Я. Брюсова. 1895

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Праздник. Сон послеобеденный Воцарился над селом. Старость спит. День вешний, ведренный Не осилил юность сном: Я у леса в загумённике Вижу девок и парней, Где играет на гармонике Франт-батрак из бобылей,

сказать, что «хорошо умереть». Я жить хочу! И Ваше уверение, что «колыбель смерти не приятна» в, я понимаю. Но к великой и для меня радости Вы из нее встали и снова «расширяете и затеваете разные планы» в, иначе говоря, у Вас

Много дум в голове, Много в сердце огня ¹⁰.

И вот один из своих планов Выпредлагаете мне на обсуждение. В принципе я ничего не имею против того, чтобы иметь свою книгу, и я ее давно пишу, но из написанного до сих пормною можно ли ее собрать, я не знаю? И Вам, как говорят, «с горы виднее», так как Вы знакомы с издательской стороной этого дела, и Вам известен спрос на такие книги; к тому же все это сопряжено с материальными затратами и с трудом, для которого Вы, может быть, еще не так здоровы.

Ваш «выбор», конечно, меня удовлетворит, так как я плохой хозяин своего добра, и только при сравнении одинаковых мотивов своих и чужих я могу еще разобраться, что хорошо и что плохо. Вот хотя бы взять у Курсинского «Хоровод» 11, у Вас моих мотивов нет, и нечто мое

вроде хоровода:

Где за ухарскою пляскою, С диким выкриком «ай, ну!» Молодежь менялась ласкою, Шумно празднуя весну. По знакомству, да по близости С малых лет пришлося ей В дружбе знаться, в мире вырасти, Со своими быть своей ¹².

У Курсинского этот мотив много красивее.

А Ваше «предисловие» мне просто желательно, хотя и не знаю, какого оно будет характера и что, конечно, потом будет истолковано в известном направлении такими господами, как Арсений Г. (Гурлянды, что ли они там, как их зовут?), которым так дороги архаические мотивы г. Гиляровских с их Ермаками Тимофеевичами и Степанами Разиными, у которых приемы исследования символической поэзии отзываются, прежде всего, «сыском» и возмутительной легкостью 13. Таков и Буренин в последнем своем фельетоне; разбирая Бальмонта, он диву дается, что дескать Бальмонт поэт талантливый, а все-таки чепуху написал и приводит такие места: «Она о чем-то плакала, слезы падали в траву, и в траве загорались светляки». «Она шла по берегу озера и за нею следом вырастали цветы» и т. д. 14 Все это он называет чепухой, а у самого Добролюбова, у критика не чета Буренину, есть маленький перевод из Гейне, который по смыслу предыдущим строкам ни в чем не уступает:

Грустно вошел я в густую аллею, Где мы с любезной обеты шептали: Где ее слезы в то время упали, Там из земли теперь выползли змеи 15.

Ваш Авенир Ноздрин.

В оригинале письмо датируется 1894 г., что является явной опиской автора, т. к. цитируемый им ниже фельетон Буренина появился в печати в феврале 1896 г. См. прим. 14 к наст. письму...
1 Из стихотворения Н. А. Пекрасова «Скоро стану добычею тленья...» (1876).

 2 Бальмонт \hat{K} . Смерть // II од \hat{c} северным небом.

³ Сказки ночи // Там же.

4 Смерть. Сонет // Там же.

5 Смерть, убаюкай меня...// Там же.

⁶ Две заключительные строфы стихотворения Георга Гервега «Хотел бы я угаснуть, как заря...» в переводе А. К. Толстого (см.: Толстой А. К. Полн. собр. соч.: В. 4 т. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1884. Т. 1. С. 357—358).

⁷ См.: Бодаер Ш. Маленькие поэмы в прозе /Пер. с франц. М. Волкова. СПб.: Всеобщая

библиотека. № 66—67 (б. г.).

⁸ Очевидно, цитата из несохранившегося письма Брюсова к Ноздрину. В январе 1896 г. Брюсов лежал в больнице с тяжелым приступом ревматизма (см. наст. кн., Переписка с Бальмонтом, п. 7-8).

9 Очевидно, цитата из того же письма Брюсова. 10 Из стихотворения А. В. Кольцова «Путь» (1839).

> У реки, шурша несмело, Звездам внемлют камыши, В роще тихо, ночь стемнела, На деревне — ни души.

> Только там, за огородом, Где шуршит невнятно рожь, Слышно, ходит хороводом, Веселится молодежь.

Трензель, бубен, балалайка, Хохот, грохот, свист и вой, Ходит павой молодайка, Вьется парень удалой.

Плавна поступь хоровода, Пляски удали полны, Все так дико... с небосвода Звезды смотрят, смущены.

12 Другая редакция этого стихотворения была опубликована в кн. «Красная улица». См. Вступ. ст., прим. 47.

 13 Арсений Г.— псевд. Ильи Яковлевича $arGamma y p ext{\it для} + \partial a$ (р. 1868), сотрудника «Новостей дня», «Русского слова» и др. — автора фэльетона «Московские декаденты» (Новости дня. 1895. № 4396. 5 сент.).

В записной тетради № 24 (конец 1895 — начало 1896 г.) в черновом наброске «Апологии симводизма» (другой вариант опубликован Д. Е. Максимовым в кн.: Уч. зап. ЛГПИ им. М. Н. Покровского. Т. IV, вып. 2, 1940) Брюсов писал: «Затем отмечу прием, употребляемый г. Арсением Г. (Новости дня. № 4396). Со времени интервью с "Московскими символистами" (Новости дня. № 4024 и 4026) он дышит на них злобой и изобретает всякие способы их поги-бели...» (ГБЛ. Ф. 386, 3. 1б. Л. 42об.).

14 Буренин В. Л. Критические очерки // Новое время. 1896. № 7152. 26 янв. (7 февр.).

Ноздрин вслед за Бурениным ссылается на стихотворение Бальмонта «Дагмар» из сборийка

В безбрежности.

15 Добролюбов Н. А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1969. С. 129.

(Иваново-Вознесенск.) 1 — Апрель. 1893 г.

Простите, многоуважаемый Валерий Яковлевич, что ответ на Ваше письмо я немного задержал, и не потому, что мне пришлось много считаться с Вашими условиями, а совсем по другим причинам, которые не хочу назвать уважительными, попросту: — ответ задержал праздник, который в провинции как-то особенно весел с его колокольным звоном, с водой, которая переполнила все улицы, совсем Венеция! с оврагами, где та же вода падает маленькими водопадами; все это зовет на волю, на свет. Ваши хлопоты по составлению моего «сборника» 1 обязывают меня по отношению к Вам на большую благодарность и заставляют меня быть у Вас в долгу. Ваш выбор стихотворений мне очень нравится², за исключением двух-трех пьес, которые я хотел бы заменить другими в такой редакции:

Литературное наследство, т. 98, кн. 1

Безумные волны девятого вала Отбросили снова челнок мой назад, А долго, упорно его направляла Рука моя к пристани вечных преград...

И много стремилось к ней нас, одиноких, Что где-то и долго блуждали вдали И жаждали жизни уделов высоких, Святого небес и святого земли...

И вот они скрылись... Один я блуждаю, И снова тружусь, как трудился Сизиф, И что впереди меня ждет, я не знаю, Та пристань преград или гибели риф?..3

К небу звездному, бесконечному С грустью очи мои подымаются, И с небес, по пути они млечному, С тем же к грустной земле возвращаются....

Им ничто нигде не приглянется, Видят скорбныя, утомленныя, Жизнь вперед идет, не оглянется На деянья свои беззаконныя.

. _ _ _ _ _ _ _

Век болеющих, век беспомощных Жаждет истины, исцеления... От страданий людских, злых, чудовищных, На душе у меня тьма сомнения...

И когда будет день — утешающим, Вешним праздником и гулянкою, Братство, истину возвещающим Над землей, на земле, под землянкою?!..4

Я вырвался из пламени Столичных бурь, страстей, И снова в дебрях рамени Стою среди елей. С елями великаншами, Как был я раньше, свой... И там, где они чащами И рощи красотой. Где все узкоколейницы Дорожки знаю я:

Одни ведут до мельницы, Другие до ручья. Куда идти? Теряюся... Везде там благодать!.. И лесом наслаждаются, Как в нем легко дышать! 5

Какая рань

И как светло!.. Вместо — а уж светло *
За нивой, взглянь,
Твое село... и т. д. 6

Я не хочу сказать, что эти четыре пьесы имеют какое-либо отношение к общим интересам, а просто они лично мне более других нравятся, и ради них я неохотно исключил бы следующие два стихотворения:

- 1. Холмисто... Кусты... Да овраги... 7
- 2. На пуанте людно в.

^{*} Помета Ноздрина.

Нельзя ли Ваше распределение страниц немного изменить? И некоторые из тех стихотворений, которые занимают у Вас по 2 страницы, поместить на одной? Свободные места пополнить другими стих (отворениями). Мне думается, что назначенная Вами цена книжки 50 к. для сорока стихотворений будет высока? Воюсь этим оскорбить Вас как издателя, но верьте, этот вопрос поставлен человеком, искренне и глубоко уважающим Вас; и я имею в виду еще то, что Вы издатель-любитель, а не книгопродавец, который берет за комиссию 30—25 %. И пусть назначенная Вами цена, какой была, такой и останется. Относительно места, где моя книжка ни будет продаваться, для меня все равно; мне бы приятно было отдать в этом преимущество Вам, так как с Вашей стороны в это дело будут вложены более существенные затраты.

Из Вашего письма видно еще и то, что присланный Вами список стихотворений не есть нечто окончательно решенное: Вы пишете перед оглавлением:

«Вот пока последнее, на чем я остановился».

В этом случае я предоставляю Вам полное право содержание сборника изменить, и, со своей стороны, не желая Вас вводить в новые затруднения, которые встречаются при выборе моих стихотворений, я посылаю Вам еще несколько пьес 10.

Перечитывая отмеченные Вами стихотворения, я в некоторых из них надумал кой-что изменить.

Так, в стих (отворении) «Ночь-то! ночь-то! а земля-то» последнюю строфу я хотел бы заменить следующей:

Свет — ненастье беспощадно Затопило все кругом, Тонем мы, тонуть повадно, Нам ликующим, вдвоем!..¹¹

В стих (отворении) «Мы робко с волною воюем» 2 и 3 строфы желательны в таком виде:

Пособницей вечной разлуки Волна торжествует так зло, И тянут к нам призраки руки, Из рук вырывают весло...

Сгущается мрак полуночи, Во мраке звучат голоса: Что я для тебя уж не кормчий, Что ты не мои паруса...¹²

В стих (отворении) «Ты в могиле не забыта...» вместо «не разрыть тебе могилы» — следует читать «не раскрыть тебе могилы» ¹³. В стих (отворении) «В царстве звезд благоустроенном» последний стих — «интересишками войн», следует читать — «увлечениями войн» ¹⁴. В стих (отворении) «Жатва у смерти обильная» ¹⁵, вместо «Память хранится и ивою», следует читать — «Кто-то хранит память ивою». Помнится, г. Курсинский заметил мне, что в стих (отворении) «Туманный смрад» в последней строфе последний стих неверен:

В углу святыня — лик Христа, Забытый образ нами: Лампада тусклая пуста, \cdot Лежит на нем тенями 16 .

И им было сказано: «что она может лежать *тенью*, но никак не во множественном числе *тенями*». По-моему, этот стих можно оставить, если брать во внимание то, что сама лампада и цепи, на которых она висит, дают разные теневые рисунки.

К выписанным мною четырем стихотворениям, которые я хотел бы поместить вместо помеченных Вами, хочется еще прибавить два: —

С хребта на хребет...¹⁷ Ветер судно без хозяев...¹⁸

Но, к сожалению, места нет, ничего не поделаешь.

Глубоко и искренне уважающий Вас А. Ноздрин. Относительно своего летнего адреса сейчас ничего не могу сказать. Каков новый сборник П. Перцова «Философия русской поэзии»? 16

¹ В марте 1896 г. в записной книжке «Моя жизнь» (№ 10. 1895. дек.— 1896. Окт. 29) Брюсовым сделаны пометки, свидетельствующие о его редакторской работе над сборшиком стихов Ноздрина: «18 пид. Ноздрин (сборн (ик))»; «19 вт. Juvenilia и Ноздрин» (ГБЛ. Ф. 386,

1. 14/1. Л. 9).

² Ноздрин упоминает в настоящем письме о «сорока» отобранных Брюсовым стихотворениях. В подготовленный Брюсовым сборник «Поэма природы» вошло 32 стихотворения (перечень их мы опускаем). Публикуемое письмо дает возможность выявить четыре стихотворения из не вошедших в окончательный вариант сборника (см. прим. 7, 8, 11 и 14). Выявить оставшиеся до «сорока» еще четыре стихотворения не представляется возможным. О прин-

ципах отбора Брюсовым стихотворений см. вступительную статью к настоящей публикации.

³ ГБЛ. Ф. 386, 58.8. Л. 25. (другая редакция). В сборник стихотворение не вошло.

⁴ Там же. Л. 32 (другая редакция, с заглавием «Из книги жалоб»). В рукописи Брюсовым подчеркнуто название и отчеркнута на полях первая строфа. В сборник стихотворение не

5 Там же. Л. 23 (другая редакция). В сборник стихотворение не вощло.

⁶ Там же. Л. 19. Стихотворение включено в сборник в такой редакции: «Какая рань, — //

А как светло!» (Там же. 58.9. Л. 7).

7 Там же. Л. 21. В сборник стихотворение не вошло, хотя оно выделено (отчеркнуто) в отредактировано Брюсовым. На полях помета Брюсова: «Гейне?».

8 Там же. 129.14.Л. 44. Брюсов сократил это стихотворение, состоявшее из трех строф,

вычеркнув вторую строфу. В сборник стихотворение не вошло.

Брюсов, очевидно, учел пожелание Ноздрина, снизив цену сборника до 30 к. См. пос-

леднюю страницу цензурного экземпляра сборника (Там же. 58.9. Л. 20об.).

10 Судя по сорту, формату и цвету бумаги хранящихся в архиве рукописей, Ноздрии переслал или передал Брюсову четыре или пять подборок стихотворений, по стихотворения не датированы, и установить с полной достоверностью, какие именно из них присланы с настоящим письмом, трудно. Благодаря письму Брюсова к Ноздрину совершенно ясно только, что с первым письмом были присланы стихи, хранящиеся сейчас под шифром 58.8. Л. 15-26. На л. 15 Брюсовым проставлена крупная цифра «l». Цифра «ll» стоит на л. 27 и относится к стихам, находящимся на л. 27-36. Цифра «ПІ» — на л. 37 и объединяет подборку стихов, расположенных на л. 37-48. Цифра «IV» проставлена Брюсовым на л. 1 тетради стихов Поздрина, хранящейся под шифром 129.14. Обобщающей нумерации лишены стихи, хранящиеся сейчас под шифром 58.8, л. 1-14. Но стихи на л. 1-4 и 9-14, судя по типу бумаги, могли входить в состав подборки II (л. 27—36). Они написаны на листах того же формата, в линейку. Стихи же, находящиеся на л. 5—8, написаны на бумаге в клеточку. Возможно, что именио их Ноздрин прислал последней, пятой подборкой своих стихов. Ни одно из этих стихотворений Брюсовым в сборник включено не было. Ни правки, ни помет Брюсова на этих листах ист.

 $\Gamma E I$. Ф. 386, 129.14. Л. 58. Первоначальный вариант строфы:

И ненастье дивной силой Потопило все кругом, Где и мне, с тобою милой, Утонуть не грех вдвоем.

В сборник стихотворение не вошло.

12 См. вступ. ст., прим. 16. В сборник стихотворение вошло именно в этой редакции

Ноздрина.
¹³ ГВЛ. Ф. 386, 58.8. Л. 23об. Брюсов исправил строку так, как это предложил Нозд-

рин. Стихотворение включено в сборник (Там же. 58.9. Л. 12об.).

14 Там же. 58.8. Л. 26об. В сборник стихотворение не вошло. Опубл.: Семеновский. С.

218, без учета этой поправки.
¹⁵ Там же. 129.14. Л. 48. Брюсов выделил (отчеркнул) первые 8 строк и зачеркнул 16 последующих. Из этих 16 зачеркнутых в сборник вошли 8 последних строк в виде самостоя-

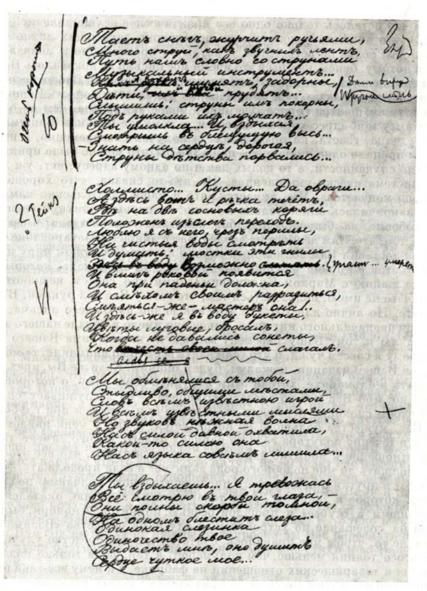
тельного стихотворения «О, моя крошечка! о, моя деточка!..» (58.9. Л. 13).

16 «Туманный смрад... Наложниц-жен...» — Там же. 129.14, л. 52. В рукописи последний стих отредактирован Брюсовым: «Узор лежит тенями». В сборник стихотворение не во-шло. Скорее всего, замечание Курсинского Брюсов сообщил Ноздрину в одном из педошедших до нас писем, но возможно, что Курсинский присутствовал на одной из встреч Ноздрина с Брюсовым и высказал это замечание ему лично (ср. запись в дневнике Брюсова от 26 ноября 1895 г.: «У меня Нозд \langle рин \rangle . Пот \langle ом \rangle Курс \langle инский \rangle . Пот \langle ом \rangle у Курс \langle инского \rangle » — $\Gamma B J I$. Ф. $386,\ 1.13/2$. Л. 25).

17 Стихотворение вошло в сборник (Там же. 58.9. Л. 4).

18 Там же. 58.8. Л. 38. Стихотворение вошло в сборник (58.9. Л. 11об.), но Брюсов исключил строки 9—12, а строки 15—16 даны им в другой редакции.

19 Философские течения русской поэзии. Избранные стихотворения / Сост. П. Перцов. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1896.

СТРАНИЦА ИЗ ТЕТРАДИ СТИХОТВОРЕНИЙ А. Е. НОЗДРИНА Автограф с отчеркиваниями и правкой В. Я. Брюсова. 1895. Слева пометы Брюсова: «Очень хорошо», «? Гейне»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

6

(Иваново-Вознесенск.) 1897 г. 5 — Ноябрь

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

На этот раз Ваше письмо достигло своего назначения, оно в моих руках, и я пришел в немалое удивление, узнавши, что Вы писали мне раньше и что Ваши два письма остались без ответа. Об этих письмах и не имею никакого понятия. И верьте, каково бы их содержание ни было и какое бы чувство они во мне ни вызывали, я не способен был бы их затаить, умолчать, выразив этим по отношению к Вам свою неприязнь. Но почему же я Вам сам не писал, когда в деле издания я должен быть заинтересован более, чем Вы? Мне казалось, что последними нашими письмами мы достаточно выяснили теоретическую сторону наше-

го дела и что осталось только одно его практическое осуществление, т. е. печатание, и что никаких усложняющих положений, зависящих лично от нас, в этом деле нам более не встретится, а потому я преспокойно и молчал. Не писал еще и потому, боясь, как бы в это время мое письмо не показалось Вам с моей стороны требованием, или чем-нибудь другим, вызывающим Вас на поспешность. на обязательство. Я задаю себе вопрос, в чьи руки могли попасть Ваши письма? Живу я в самом центре города, где почта более аккуратна, чем на окраинах, да и почтамту мой адрес хорошо известен, к тому же письмам Вашим нашлась бы и попутчица, газета, которую я всегда получал своевременно, а писем нет. И если бы пропало одно письмо, то, пожалуй бы, это можно было приписать какой-нибудь случайности, а то целых два и по одному адресу; нет, уж это нечто другое, систематически-умышленное. Но кто-то сказал, «что хорошо все то. что хорошо кончается». Мне думается, что и наша издательская кампания на этот раз закончилась блистательно хорошо: во-первых, стихами своими я никогда особенно не был доволен, бог знает, что их ожидало? Во-вторых, я утешаюсь тем, что этим пелом я не вовлек Вас в лишнее разочарование, заблуждение и не доставил Вам возможного случая вкусить на чужом пиру похмелья, а потому с этой историей можно и покончить. Для альманаха, который Вы готовите к изданию с Марком Криницким (имя мне совсем незнакомое), нового я ничего не имею, пользоваться тем, что есть у Вас под руками, Вы, конечно, можете. Но лично для Вас все это, как видно из Вашего письма, не имеет уже того первоначального интереса, какое оно имело в начале нашего знакомства; прибавлю к тому Вашу перемену взгляда на поэзию, имя Вашего соиздателя, которому я совсем чужд, и что если взять все это во внимание, то мое сотрудничество в Вашем издании, пожалуй, будет лишним. Если же Вы, предлагая мне участвовать в альманахе, хотели этим искупить свою вину, о которой пишете, то напрасно: про Вас можно сказать: «Виновен, — но заслуживает снисхождения». И чтобы спокойно перенести свою неудачу и остаться при глубоком уважении Вас, мужества большого не потребуется, и оно у меня найдется. И то, почему я в течение полутора года не написал ничего нового, имеет также некоторое отношение к попытке напечатать стихи: я думал, что все это мне укажет, продолжать ли мне подобного рода занятие? а если продолжать, то в каком духе? А вот и другая причина моего продолжительного молчания: по своему положению, которое я занимаю среди товарищей по занятию, оказался, должно быть, стоящим в «курсе», и прошлой осенью, помнится 24 ноября, был приглашен ими на совещание по устройству между нами общества «Взаимопомощи». Дело это не то, чтобы мне нравилось, счита(ю) его как средство улучшения нашего благосостояния меньше, чем полумерой, а так, ради только поддержания знакомства и товарищеских отношений на фабрике, я к нему все-таки привязался, и мне свой небогатый досуг часто приходится уделять товарищам. А времени свободного у меня очень немного, занимаюсь я с 5 ч(асов) утра и до 8 ч(асов) вечера, с небольшим перерывом. А тут еще домашняя история, семейный разлад, который за последнее время особенно обострился. И не будь у нас детей, будь мы немного пообеспеченнее, то, наверное, давно бы разошлись. При таком положении вещей пишется плохо. Те мои списки стихов, которые находятся у Вас, в моих глазах имеют свою более интересную историю, чем те, которые я имею у себя, а потому я хотел бы их оставить на память; так не будете ли Вы любезны их собрать и переслать мне обратно. Я не останусь у Вас в долгу, постараюсь поделиться с Вами чем-нибудь новым. Вы пишете, что посылаете мне свою последнюю книжку, но почему-то я ее не получил. И не беспокойтесь: ее я имею давно, с февраля. Эту книгу Вы заканчиваете стихами: —

> Стою я во мраке Бесстрастным волхвом.

И это после светлого прошлого, когда Вы говорили:

Позабыв обаянья бесцельных надежд, Я смотрю на мерцаные сочувственных звезд.

Когла Вы за великое счастье считали: —

Безответно твердить откровений слова, И в пустыне *следить*, как восходит звезда 2.

И эти звезды для Вас погасли. Отзвучали Ваши верные — внутренние и неверные — внешние рифмы. Но будем надеяться, ждать, художнику-волхву блеснет новая звезда и укажет путь. на котором он встретит новое дучезарное утро и скажет: -

> Что вечно. - желанно. Что горько:— умрет. Или неустанно Вперед и вперед 3.

> > Душой Ваш Авенир Ноздрин.

¹ О Марке Криницком (псевд. Михаила Владимировича Самыгина) см. наст. кн.. Письма к Самыгину, Вступ, ст. Н. А. Трифонова. О каком альманахе илет речь, неизвестно,

² Ноздрин приводит строки стихотворений Брюсова «Последние думы...» и «...И, покинув людей, я ушел в тишину...» *МЕЕ*; I, 128—129 и 100).

³ Заключительная строфа из стихотворения Брюсова «Не плачь и не думай...» (MEE: I. 129).

(Иваново-Вознесенск.) (18)97 г. 10 — Декабрь

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Мне кажется, что не только одна случайность, которой был нарушен правильный хол Вашей «деятельной» переписки, заставила Вас оказать мне такое большое внимание, я говорю о тоне последних Ваших писем, что никак нельзя отнести к области «деятельной» переписки, в них есть нечто другое, более симпатичное, чем «деловое», «деятельное», и я вправе сказать, что я счастливее других... Ваши письма на этот раз дошли до меня, дошли до глубины моего сердца, откуда рвется наружу что-то доброе, что ничуть не заставит нас изменить наших, как Вы пишете, дружественных отношений. Считая Вас чуть ли не единственным читателем моих стихов, и польшенный новым высказанным Вами к ним вниманием, я только хочу слова о «возвратить их» взять обратно, а рукописи с ними пусть остаются у Вас, что хотите, то и делайте из них. И только в том случае, когда они Вам совсем будут не нужны, я попросил бы Вас переслать их мне обратно. От души благодарю за Ваши, не знакомые мне стихи и за Вашу книгу с автографом:

> «Из бездны ужасов и слез По ступеням безвестной цели Я восхожу...» 1

Этот автограф я понимаю как ответ на стихи предыдущего моего письма:

«Иди неустанно Вперед и вперед» 2.

Книгу Криницкого з я постараюсь Вам возвратить, на ней есть также надпись, которая для Вас должна быть дорога. Книгу эту я прочитал и несколько раз просматривал. В повести «На пути к выздоровлению» с очень многим можно считаться, начиная с ее названия: мне кажется, ее вернее бы было озаглавить не на пути к выздоровлению, а на пути к отрезвлению, к успокоению, так как ее центральные фигуры Игнатьев и Попов после отчаянного пьянства заделались трезвенниками, погрузились в созерцание собственных пупков, в чем и стали находить успокоение.

Любопытна в этой повести учащаяся молодежь, то она высоко-дерзновенна, говорит о несостоятельности науки, то сама несостоятельна по части уплаты в буфете «четырех рублей тридцати восьми копеек» 4.

Простите за эту шутку, в ней никакого злого умысла нет, что, конечно, и останется между нами. Но в этой повести есть нечто и другое, в чем выражается настроение, личность автора, о котором Вы говорите, как «о спутнике ночи беззвездной, искателе смутного рая» ⁵ и что подо всем этим, как говорит Студенцова у Боборыкина, «кроется голод души» ⁶.

Мятущийся духом,
«Взыскующий града»,—
Он жизнью томится,
Как безднами ада.
Рожденный во мраке,
Вскормленный несчастьем,
Живет он погоней
За истиной-счастьем.
Давно он в дороге...
Напутствие Рока
Ето погоняет

Печалью глубокой. Печаль — не потери Наивного рая... В иные он двери Стучится, взывая... Но зов безответен, Безмолвны притворы, Где думает встретить Приветствия хоры... И дальше идет он 7.

Но достаточно Ваших слов, говорящих так много в пользу Вашего друга, и я его приветствую! Жду его ободряющего слова, когда мне самому то и дело приходится говорить:

Жизнь не идет своим путем, Каким бы следует идти ей, Она глумится над добром, Ей дело — кажется затеей...

Когда то и дело слышищь:

Пали в борьбе за идею Лучшие силы меж нас Все отдаю, что имею, Смолк их воинственный глас...8

А что о себе сказать?

Юность песнь свою пропела, Много юности друзей Изменили мне и делу, Делу лучших наших дней... К тому, что потребно Душе непокойной, Настроен враждебно Хор недругов стройный.

Ни зова сигнала... Ни света мая́ка... Больной и усталый Бреду среди мрака. Безмолвие в небе... И сердца не чуть... И жалок мой жребий, Печален мой путь...

Не видно... И нет их Как помощи счастья,— Ни спутников ратных, Ни спутниц участья...

В этом пока весь, душой преданный Вам, Авенир Ноздрин. Почему так дороги «Отражения» Облеухова? ⁹ Два рубля? И стоит ли их выписывать?

² См. п. 6, прим. 3.

³ Там же, прим. 1. Речь идет о книге: *Криницкий Марк*. В тумане: Рассказы. М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1895 (книга в библиотеке Брюсова не сохранилась).

⁴ Повесть «На пути к выздоровлению» входит в состав книги «В тумане». Попов и Игнатьев — главные герои повести, московские студенты, выходцы из провинции, ведущие пона-

 $^{^1}$ Очевидно, Брюсов послал Ноздрину сборник MEE, вышедший в декабре 1896 г. (см. наст. кн., Переписка с Бальмонтом, п. 13, прим. 1). Строки из стихотворения «Из бездны ужасов и слез...» (MEE; I, 128) входили, по всей вероятности, в надпись, сделанную Брюсовым на книге.

чалу полубогемный образ жизни и духовно «выздоравливающие» к концу повести. Эпизод

«по части уплаты в буфете» — см. на с. 82.

⁵ Несколько измененная цитата из стихотворения Брюсова «Свиваются бледные тени…» (I, 88-89). Вероятно, эти слова отнесены Брюсовым к Самыгину в недошедшем до нас письме

6 Евгения Андреевна Студенцова — героиня романа Боборыкина «По-другому» (ВЕ. 1897. № 1—4). Отстаивая в разговоре с одним из героев романа принципы «нового» искусства, Студенцова произносит следующий монолог: «Нет... Не того жаждут теперь самые чуткие люди — мужчины и женщины — и везде, везде!.. Нужды нет, что некоторые ударились в разные крайности и — на иной взгляд — юродствуют или озорничают. Нужды нет! Подо всем этим кроется голод души! Хочется взлететь как можно выше. Хочется схватывать в жизни природы, в своем сердце, в мозгу, в страсти, даже в нервах, — в преступлении, во всем том, что дает трепет и восторг, еще не испытанный доселе!» (№ 1. С. 182—183).

Следующая фраза Ноздрина: «Но достаточно Ваших слов, говорящих так много в пользу Вашего друга...» — дает возможность предполагать, что приведенное стихотворение принадлежит Ноздрину. Думается, что эту фразу следует понимать как уверение в «достаточности» брюсовских слов, процитированных до стихотворения Ноздрина: «Но (вполне) достаточно (и) Ваших (т. е. и без моего стихотворного добавления.— C. T.) слов...». О принадлежности данного стихотворения Ноздрину говорят и следующие аргументы: 1. Ноздрин вряд ли стал бы переписывать в письме к Брюсову стихи последнего; 2. Двухстопный амфибрахий (исключительно с женскими рифмами), которым написано стихотворение, характерен для

Ноздрина. См. в этом же письме его стихи:

Ни зова сигнала... Ни света маяка... Больной и усталый Бреду среди мрака.

3. Ноздрин и в других случаях использовал для стихотворного переложения то, что ему сообщал в письмах Брюсов. См. стихотворение «Жить — наслаждаться прекрасной Тавридою...» в п. 9.

в Источник цитаты не установлен. Возможно, это стихи самого Ноздрина.

 Облеухов А. Д. Отражения: Оды — Поэмы — Лирика. М.: Тип. т-ва И. Н. Кушнеров и К°, 1898. Книга вышла в конце 1897 г.

(Иваново-Вознесенск.) 24 ф(евраля) (18)98 г.

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Мы с Вами живем «в лучшие времена», чем те, в которые жили до нас, о чем так красноречиво говорит «блестящий» публицист «Нового времени» Суворин. Говорит это он по делу Золя, сравнивая его с делом Вольтера, который защищал Каласа 1. Вольтер честное имя Каласа восстановил, когда уже тот был колесован; по приказанию короля парижский парламент другому парламенту провинции за осуждение Каласа сделал выговор, на что президент этого собрания ответил: «добрый конь спотыкается», а в Париже сказали: «Да, но целая конюшня...» Так обстояло дело в плохие времена, что же творится в наши лучшие? Одно человеконенавистничество г. Суворина, его травля евреев разве не обязывает нас сказать: -

> «Бывали хуже времена, Но не было подлей!..» 2

Комедия франко-русского сближения, разыгранная с таким блеском при министерстве все того же Мелина 3, в моих глазах является ничем иным, как зданием, построенным на песке, на лжи двух правительств. И главным персонажам этой комедии, вызванным Золя, было бы крайне невыгодно в одно и то же время быть и преданными слугами французского народа, и предателями ни в чем не повинного Дрейфуса. Чтобы успокоить страну, они должны были оправдаться, еще раз солгать, прекрасно понимая Золя, его отважный ум, его бунтующую совесть.

И печально то: улица, толпа, привыкшая кричать: «Распни Его, распни! Варраве дай свободу!» 4 находит себе союзницу, и кого же? Современную прессу. Что же, ведь считают же ее «державой», и почему ей, как вообще державе, не иметь своих врагов, вот она и избрала их в лице евреев. И мы в своем захолустье немало волновались по поводу этих событий, где я не встретил ни одного человека, который не был бы за Золя 5.

Имя Шамполиона мне было раньше совсем незнакомо, и только благодаря словарю «Граната» я узнал, чем он известен в. Вас как поэта и вообще как человека, насколько мне было можно узнать, я узнал. Но медик ли, юрист ли, филолог ли Вы, я до сих пор, право, не знаю. И только благодаря Вашей близости к Шамполиону я смею догадываться, чему Вы обучались в университете!

Стихов и на этот раз я только могу Вам обещать: к песням я и вернулся, но только, как бывало, запоем еще не пою. А Вам пора выздоравливать, недуги просто Вас одолели 7.

Жму Вашу руку. Авенир Ноздрин.

¹ В конце 1897 — начале 1898 г. А. С. Суворин выступил в «Новом времени» с серией небольших статей под общим заголовком «Маленькие письма», в которых упрекал Золя за вмешательство в дело Дрейфуса: «Если лавры Вольтера не дают спать Эмилю Золя, то не так следовало бы приняться даже за это дело Дрейфуса» (Новое время. 1897. № 7836. 19(31) дек. См. также: Новое время. 1897. № 7804. 17(29) нояб.; 1898. № 7884. 7(19) февр.).

По общественно-политическому резонансу дело Дрейфуса напоминало дело Каласа. В 1762 г. гугенот Жан Калас, торговец из Тулузы, был обвинен в убийстве своего старшего сына за то, что сын намеревался перейти в католичество, Калас был колесован по приговору суда. Вольтер, убедившись, что в деле Каласа, инспирированном католическими фанатиками, была совершена судебная ошибка, в своих статьях и намфлетах встал на защиту невинно осужденного и добился пересмотра дела и посмертной реабилитации Каласа.

² Строки из первой строфы поэмы Некрасова «Современники» (1875).

3 Феликс Жюль Мелин (1838—1925) — французский политический деятель конца XIX в. В 1896—1898 гг., будучи премьер-министром, вел клерикально-националистическую политику и выступал против пересмотра дела Дрейфуса. Мелин активизировал политику сближения Франции и России.

4 Перефразированный евангельский текст из рассказа о неправедном суде Понтия Пилата над Христом. (В евангелиях от Матфея, Марка, Луки, Иоанна соответственно главы

27, 15, 23, 18.)
⁵ Примечательна по крайней резкости суждения запись, сделанная Брюсовым в дневнике 12 февраля 1898 г. в связи с осуждением Золя: «Золя осужден. Я когда-то любил Францию и французов вообще, но после этого "дела Дрейфуса" и осуждения Золя я их презираю

и проклинаю. И мой Верлен не был французом» (Дневники. С. 33).

⁶ В словаре «Гранат», на который ссылается Ноздрин, о Шамполионе дана следующая справка: «Шамполион Жан-Франсуа (младший) — французский археолог, отец египтологии. Родился В 1790 г. Расшифровал египетском письмена. Умоер в 1832 г.» (Т. 49. С. 74). Ноздрин в своих воспоминаниях так передает содержание одного из разговоров с Брюсовым: «От Наполеона он перешел к оценке французского правительства, которое, по его мнению, после дела Дрейфуса вынесло самому себе смертный приговор. Брюсов возмущался размножением в миллионах экземпляров речи какого-то члена французской палаты депутатов и удивлялся тому, что это происходит в стране, давшей... Тут он упомянул запамятованное мной имя какого-то египтолога» (Как мы начинали. С. 181). Очевидно, Ноздрин передает здесь не устное высказывание Брюсова, а содержание того письма к нему, ответом на которое и является комментируемое письмо. О встречах Брюсова и Ноздрина в 1898 г. никаких сведений не сохранилось.

⁷ В начале 1898 г. Брюсов долго и тяжело болел плевритом (см.: Дневники. С. 32, 33).

(Иваново-Вознесенск.) 20 мая (1898)

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Жить — наслаждаться прекрасной Тавридою Сдавна моим постоянным желанием. Хочется высказать, как я завидую Вашим далеким скитаниям. Вы восхищаетесь дивной Алупкою, Гор и подножий их чудных картинами, Жадно следите за парусной шлюпкою Там, где и чайки, и волны с дельфинами. Вот и меж скалами страшно-отвесными Вижу я Вас вдохновенно-влюбленного,

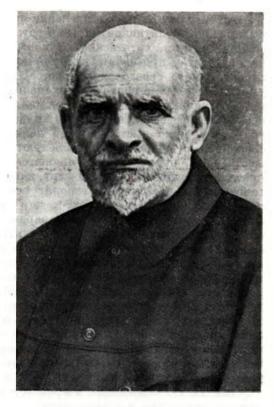
Бродите Вы с вдохновенными песнями, С песнями моря и царства зеленого, Хочется знать, что не только пленительна Юга природа могуче волшебная, Но что для Вас она также спасительна Сила живая целебная. Хочется знать, что не силои тепличною, Временем будет ее исцеление: Справитесь Вы с атмосферой столичною, Вновь возвратитесь к трудам вдохновения. Сказочный край, исцеляющий немочи, Раем считаться бы мог меж поэтами: Так как имел он Адама Мицкевича, Крыма певца, что сказалось сонетами. Рай, не имеющий в прошлом изгнания, Бывший приютом не раз для изгнанников, В дии, когда жизнь за святые призвания Гонит людей, как достойных опальников. Пойте и Вы! Влохновенно сонетами Вылейтесь в новом своем волховании, Дайте нам в песнях мечеть с минаретами, Книгу-природу в живом толковании.

Неба побольше, побольше лазурного, С ярким на глади морской отражением. Дайте нам моря безумного — бурного С диким в прибрежные скалы вторжением, Горы с вершинами бледными зимними, Горы с подножьями вешними яркими,

Что разбегаются в стороны дивными,

Здесь вот не то: с очертаньями грубыми Всюду теснятся фабричные здания,

Тихо шумящими южными парками.

А. Е. НОЗДРИН Фотография. 1930-е годы Литературный музей, Москва

Город дымится фабричными трубами, Дым застилает лазури сияние. Движется все с оглушительным грохотом. Все говорит о тяжелом страдании. Труд исполняют с покорностью, с ропотом, Нету ни в чем ни любви, ни призвания. Здесь, где немногих успехи достигнуты. Здесь, где теснятся в каморках бездомные, Рядом хоромы-палаццо воздвигнуты, Видить хозяев их лица довольные. Смотринь на лица рабочих, пугаенься: Все говорит в них тупым вымиранием; Тянешь и сам с ними лямку, не знаешься С теплым участьем, с живым состраданием, Дети... II дети здесь также замучены... Бледные, слабые матери женщины... Вот рукава их по локти засучены,---Это работницы тяжкой поденщины. Вот почему я на рок свой с обидою Вам говорю, выражаю желание Жить — наслаждаться прекрасной Тавридою, Знать ее силу, ее обаяние.

С сущностью и задачами искусства, как их понимает Л. Толстой, я знаком только по тем журнальным статьям, которые были вызваны его книгой «Об искусст-

ве» 1. Книгу эту он писал в течение пятнадцати лет, конечно, с большими перерывами, и этот пятнадпатилетний труд не что иное, как одна из работ художественной критики. хотя всякую художественную критику он не только отрицает. но и считает ее прямо-таки вредной и даже находит «долю истины» в следующих словах одного своего знакомого: «Критики — это глупые, рассуждающие об умных». В течение последних пятнадцати лет Л. Толстой жил менее всего жизнью художника, его вседело занимали социальные вопросы, что сказалось и на последнем его вышеупомянутом труде, и там, где он нападает на современное искусство, ярко выступают его демократические тенденции: по его мнению, современные хуложники преследуют исключительно корыстные цели, художественные произведения являются исключительно достоянием богатых и праздных людей. Хотя такой факт, и он не единственный, как смерть Ивана Платоновича Киселевского 2, говорит совсем пругое. Наслаждаться искусством, по мнению Л. Толстого, грех, в этом он видит нечто языческое, антихристианское. Искусством можно только заражаться и только тогда, когда источником его бапилл-заражения является «религиозное христианское сознание, которое состоит в признании каждым человеком своей сыновности богу и вытекающего из него единения людей с богом и между собой...» Вообще, художник должен быть не то попом, не то Апостолом. «Истинное художественное произведение есть только то, которое выражает новое чувство, не испытанное людьми». Но существует другое понятие: истинные художники были всегда выразителями своего времени, способными нашупать пульс жизни, узнать, чем он бьется, и они выражали чувства не новые, неиспытанные людьми, а уже привившиеся к ним, и что они только нуждались в форме их выражения: так как потребность высказаться по поводу того или другого присуща почти нам всем, но не всем нам даны способности художников, и вот почему нам так дороги художники, с которыми мы ищем общения, а произведение искусства есть личность художника, почему искусство и можно назвать одним из способов общения людей между собою. По-моему, одним и тем же произведением искусства можно и наслаждаться и заражаться. Так, в одном человеке известное художественное произведение может вызвать воспоминание, а воспоми (нание) первой любви и других увлечений молодости разве не наслаждение? Другой же, и в том же художественном произведении, может натолкнуться на другую силу, которая его заразит, наэлектризует, разожжет в нем любовь и жажду других идеальных стремлений. Мне бы хотелось еще раз возвратиться к этому предмету, а пока остаюсь.

Ваш Авенир Ноздрин.

В архиве Брюсова (ГБЛ) письмо датируется 1895 г., но из его содержания видно, что оно представляет собой ответ на недошедшее до нас письмо Брюсова, в котором он, очевидно, рассказывал о своей поездке в Крым, состоявшейся весной 1898 г. (с апреля до середины июня).

Иван Платонович Киселевский (1838—1898) — русский актер, играл во многих провинциальных театрах, с 1879 г. -- в Александринском театре и в театре Корша. С 1894 г. до конца жизни играл в театре Соловцова в Киеве. Киселевский, испытавший в своей творческой жизни несправедливые гонения администрации казенных театров, был известен современ-

никам как образец бескорыстного служения актерскому искусству. В отклике на смерть Киселевского А. Р. Кугель писал, что Киселевский, бывший в 1898 г. в весьма стесненных финансовых обстоятельствах, скончался буквально накануне получения выделенного ему после долгих проволочек пособия в 100 р. См.: К-ль А. И. П. Киселевский // Театр и искусство. 1898. № 17. С. 329—330. О нем см. также: Плещеев А. Соч. СПб., 1914. Т. 3. С. 70—74; Юрьев Ю. М. Записки, 1872—1893. Л.; М., 1939. Т. 1. С. 79—84, 88, 90; Оп же. Записки, 1893—1917. Л.; М., 1945. Т. 2. С. 121, 162, 168, 280.

¹ Речь идет о трактате Л. Толстого «Что такое искусство?», вышедшем отдельным изданием летем 1898 г. (Впервые опубл.: Вопросы философии и психологии. 1897. Нояб. — дек.; нием летем 1898 г. (Впервые опуол.: Вопросы философии и психологии. 1897. 110я0. — дек.; 1898. янв. — февр. До мая 1898 г. вышел ряд откликов на статью Толстого. См., напр.: Михайловский Н. К. Литература и жизнь // Русское богатство. 1898. № 3; Он же. Еще об искусстве и гр. Толстом // Русское богатство. 1898. № 4; Борисов Я. Граф Л. Н. Толстой об искусстве // РМ. 1898. № 4. Об отношениях Брюсова и Толстого см.: Нуралов Э. Л. В. Я. Брюсов и Л. Н. Толстой // Чтения 1963; Гиндик С. Становление брюсовского отношения к Толстого у В. Брюсов и литература конца XIX—XX в. Ставрополь, 1979; Он же. Эстетика Льва Толстого в восприятии и эстетическом самоопределении молодого Брюсова и получением кунку «О искусства») // Записки от прукописам (ГБП) М. 1987. Вып. 46 (по рукописям книги «О искусстве») // Записки отд. рукописей (ГБЛ). М., 1987.. Вып. 46.